

ПРЕДСКАЗАНИЕ - END

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Татьяна Степанова
Предсказание - End

«ЭКСМО»

2008

Степанова Т. Ю.

Предсказание - End / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-699-26369-1

Нет, не идиллическая тишина царит над этим провинциальным городком. Скорее затишье перед бурей. Тихо в домах, замер пустынный парк, в котором некогда маньяк растерзал девушку, а единственного свидетеля вскоре нашли повешенным на карусели. Тогда это дело сошло на нет, но все знают, кто преступник. И вот он вернулся... Прежние друзья не хотят его видеть, жители шарахаются от него. В первую же ночь жестоко убита девушка, потом еще одна... Волна ужаса катится по улицам, круша все на своем пути. Зловещий свет ночного пожара внезапно освещает истину. Истину, которая покруче самых страшных замыслов...

ISBN 978-5-699-26369-1

© Степанова Т. Ю., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	40
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Степанова

Предсказание – End

*Если все вокруг верят во что-то, быть может, кажущееся
пустым суеверием, то рано или поздно и у вас все равно возникнет
искушение поверить в то, что все вокруг считают реальным.*

Майкл Крайтон. «Пожиратели мертвых»

*Поцелуй же меня, Рафаэло!
Сериял «Голос сердца»*

Глава 1

В темноте

По темной дороге, скупо освещенной редкими фонарями, ехала автомашина. В ней сидели трое – водитель и два пассажира.

– В общем и целом, дело теперь ясное, Илья Ильич, – сказал один пассажир другому. – Завтра с утра допрошу всех троих, предъявлю рабочее обвинение и – потом в суд за санкцией на арест.

– Сначала всех троих ко мне, Витек, – в голосе того, кого звали Ильей Ильичом, сквозила усталость и вместе с тем самодовольство. – Вместе с конвоем. Я до обеда на месте, так что вполне успеешь.

Тот, кого звали просто Витьком, с готовностью кивнул – он был «просто» следователем прокуратуры. А Илья Ильич Костоглазов – городским прокурором и его непосредственным начальством.

В поздний ночной час на прокурорской машине они возвращались из соседнего Успенского в ставший с некоторых пор для обоих родным и привычным Тихий Городок.

Именно так и звался испокон века этот город на берегу водохранилища. Тихий Городок. Очень тихий, слишком, чересчур даже тихий городок...

Пелена облаков на темном небе. Ни луны, ни звезд.

Стена леса.

Вой собаки – за околицей деревни, неразличимой в ночи...

Эхо этого воя...

– Тьма-то какая вокруг, – пожившись, вздохнул водитель. – Воет, воет, проклятушая, кого хоронит, тварь? И вот сколько живу я тут, почти что полвека уже, а все тут у нас на дорогах темень, хоть глаз выколи. А дорога-то какая, а? А ведь почти что федеральная трасса. Иностранцев каждый день пачками на автобусах на экскурсию возят красоты наши смотреть. А как солнце зайдет, блин, не видно ни зги. А осенью – вечерами, зимой? Сушая Тьмутаракань. И никому годами дела до этого нет. Вот мэра нового избрали, Шубина, надеемся, может, хоть он нам фонарей от щедрот своих повесит.

Радио в машине, несмотря на глухой час, совершенно бодрым утренним голосом диктора вещало о «росте инвестиций» и о «приоритетных направлениях повышения рождаемости в рамках нового нацпроекта».

– Детей делать – милое ж дело, – хмыкнул водитель. – Кайф ведь сплошной один. Причем обоюдный, не так, что ль? И поди ж ты – не хотят. Даром не желают. Деньги им подавай. Ну один сплошной чистоган везде, куда ни кинь. Даже в койке семейной!

– Проблемы рождаемости актуальны для многих европейских стран. А что насчет дорог, здесь, я помню, всегда они были неважные, кривые были дороги. – Прокурор Костоглазов никогда не оставлял без ответа сентенций своего водителя. Устами шофера, по его мнению, говорил сам народ, глубинка. А народ, глубинку всякой власти, в том числе и стоящей на страже закона, стоит послушать. Так, для общего развития, для информации, в смысле внутренней и внешней внутригородской, внутрирайонной политики.

– Дороги-то да, а вот таких преступлений никогда прежде не водилось, – водитель покачал головой. – Чтоб так вот среди ночи открыто приезжали на машинах, в дом вламывались, людей резали – этого нет, не было никогда, сколько живу.

– Это у них четвертый эпизод. Раньше как-то без крови обходились. Ну, налет и налет, связали хозяев, золотишко, деньги выгребли, но все же как-то удерживались от мокрухи, – охотно подхватил следователь. – А на этот раз не удержались. То ли нервы сдали, то ли побоялись, что их хозяева опознать смогут. И вот, пожалуйста – двойное убийство в ходе разбойного нападения. И хозяйку, и ее сына – обоих положили. А я ведь сына-то знал. Точнее, не знал, а помню. Он в футбол здорово играл, молодежная команда вообще у нас сильная. А теперь вот нате – убили парня за пару золотых колец, за телевизор да за пачку «зеленых».

Следователь говорил об обстоятельствах дела, по которому они сутки безвылазно сидели в соседнем с Тихим Городком Успенском. Убийство в ходе разбойного нападения. Мертвых хозяев частного дома – мать и сына – нашли соседи. Милиция по следам ночного ограбления ввела план «Вулкан», и в ходе поиска трое подозреваемых были обнаружены в пустующем ангаре старого кирпичного завода. Ангар окружили, вызвали из областного центра подкрепление и ОМОН. Предложили подозреваемым сдаться. Те отказались и ответили выстрелами. На троих у них оказался обрез охотничьего ружья и спортивный пистолет, переделанный для боевой стрельбы.

В итоге задержание затянулось. Прокурор Илья Ильич Костоглазов, лично руководивший операцией совместно с милицейским начальством, трижды брался за мегафон, уговаривал подозреваемых сложить оружие и прекратить бессмысленное сопротивление. Не уговорил.

А потом ОМОН пошел на штурм ангара. Вся операция заняла не более пяти минут. Слава богу, никто не пострадал, бандитов скрутили. Обыскали, тут же обнаружив вещи, похищенные с места убийства.

В общем, это было вполне рядовое, будничное дело, каких в практике прокурорской десятки и сотни, – убийство с целью ограбления, убийство по корыстным мотивам.

Прокурор Костоглазов вспомнил место происшествия – залитую солнцем и кровью террасу дома. Солнце било в чисто вымытые стекла, слепило глаза. А кровь была везде – под ногами на досках пола, на бревенчатых стенах. Даже на потолке – и туда долетели брызги. И на выцветшем шелке оранжевого абажура распустился кровавый цветок. Бандиты первым в упор застрелили из обреза сына. Он лежал на террасе – две пули попали ему в голову, разворотив полчерепа. Мать его пыталась скрыться, спрятаться. Они дважды ранили ее – в живот и в спину. Потому-то и было столько крови по всему дому. А потом – тоже в упор, уже обесиленную, добились выстрелом в лицо.

Ба-бах!!! И только эхо отзывается в домах...

Неужели никто из соседей окрестных домов не слышал эха этой ночной бойни? Да наверняка слышали. И никто не прибежал на помощь с подручными средствами – с вилами и топорами, как в старину. А раньше-то бегали, чуть что – били в набат на высоких колокольнях монастырей, поднимая и весь Тихий Городок, и все окрестные посады и села. А теперь не бегут. Запирают крепче двери в домах. Погромче включают телевизор. Прокурор Костоглазов брезгливо поморщился. Какие же все-таки люди... А что же раньше-то, другие были? Наверное, другие. Иные. Впрочем, как выяснилось из подомового обхода и опроса свидетелей, затеянного милицией, покойных мать и сына особо не жаловали и не любили в Успенском. А почему?

Да, кажется, только по одной-единственной причине, что они сумели как-то встать на ноги, выбиться из общей удручающей деревенской нищеты, взяв в банке кредит, приобрели сначала одну, потом еще две продуктовые палатки, отремонтировали, отстроили дом, воздвигли высокий забор, отгораживаясь от соседей, купили подержанную иномарку.

Но вот забор не уберег. И набат не ударил. И соседи не прибежали на помощь. «Они – Надька-то с сыном – гордые стали, как забогатели, раскрутились, такие, страсть, гордые. А как за границу отдыхать съездили в этот самый свой Кипр, так и вообще. Словно они – пуп земли, а мы-то для них – так, грязь под ногами, – жаловалась одна из опрашиваемых соседок. – Но вот и догордились. Бог-то – он шельму метит...»

Ба-бах! И только эхо...

Неужели это и есть Промысел Божий? Илья Ильич Костоглазов был не силен в этом вопросе. Об этом – о Промысле – лучше бы спросить друга его юности Ивана Самолетова, разом вдруг ударившегося в православие. Но свое дело, свою работу прокурор знал хорошо.

– Хорошо...

– Что хорошо, Витек?

– Да хорошо, Илья Ильич, что взяли их, этих сукиных сынов. – Следователь покачал головой, глядя в темное окно машины. – А то бы наделали они еще дел тут у нас. Кровь – она такая, ее только раз пусти, потом уж и не остановишься. Захочешь, а не сможешь. И так на них уже четыре эпизода с налетом, а было бы еще, да еще трупы. А сколько у нас сейчас домов-то таких понастроено в округе, которые их привлекали? Коттеджей, дач? Полно. Вот бы и вламывались к тем, кто сопротивление не окажет. Вот, например, ваша жена Марина Андреевна...

– При чем тут Марина Андреевна? – подозрительно спросил Илья Ильич.

– Ну как же, вы сутками на работе, а она одна в доме. И собаки у вас нет сторожевой. Одна с мальчиком.

– Наш сын в лагере в Венгрии, английский язык изучает.

– Тем более одна. Да еще в такой-то темноте...

Илья Ильич вздернул подбородок. Лицо его стало замкнутым, по нему гримасой промелькнуло раздражение. Какое, к черту, дело этому мудаку до его жены? Или он что-то знает? Может, в Тихом Городке об их с женой отношениях уже циркулируют пошлые слухи?

– Хуже нет по нынешним временам, когда женщина целый день одна в пустом доме, – поддакнул и водитель. – Не ровен час...

За окном машины мелькнули огни. Прокурор вздрогнул – слишком уж неожиданно, ярко. Точно вражеский прожектор полоснул по глазам. А там, откуда он едет, в Успенском, произошло пусть и тяжкое, но все же вполне обычное преступление. Банальнейший разбой с убийством. И это, слава богу, не имеет никакого отношения к тому, что с некоторых пор происходит в родном для него Тихом Городке.

Эти слухи... Эти чертовы слухи... Множащиеся, как гниды какие-то, совершенно первобытные допотопные суеверия, место которым скорей на страницах медицинских карт психдиспансера, а не в умах взрослых нормальных людей. Мрачные сказки, пересказываемые из уст в уста, от семьи к семье, от дома к дому, – извращенная реальность, обернувшаяся сущим кошмаром. Хорошо еще, что этот разбой с двойным убийством произошел в Успенском, а то и его бы тут же записали в архив этой всеобщей паранойи, которой вот уже сколько лет, как вирусом, заражен город. И поделаться с этим, кажется, ничего невозможно. Да, он прокурор, и он знает свою работу. Но эти слухи, все эти суеверные бредни – они настолько вне рамок правовой системы и...

А собака-то все воеет и воеет. И как такое возможно? Ведь они уже давно проехали ту деревню, ту околицу. А вой все слышен. Что ж это их тут, в этой тьме, целая стая? Или это

ветер воеет, свистит? За окном в ночи вновь мелькнули огни. Нет, это огни не его дома. До его дома еще ехать и ехать, плыть и плыть, лететь и лететь...

Но летают только во сне, а он не спал. Возвращался с работы – с места происшествия, с задержания опасных вооруженных преступников, полный азарта, удовлетворения и смешанного чувства превосходства и брезгливости. Да, да – именно брезгливости. И к тем кровавым лужам на дощатом полу на месте убийства, и к вывороченному хаосу разграбленного чужого дома, к тем самым трусам-соседям, не пришедшим на помощь, и к местной милиции – по-деревенски настырной, но ужасно бестолковой, провинциальной. И к тем суеверным бредням, которые на этот раз, к счастью, так и не получают новой пищи для городских пересудов, круто замешенных на страхе и невысказанном тупом подозрении.

Ах ты, черт, то ли дело в Москве, когда он еще был в штате отдела Генеральной прокуратуры...

Оттуда – из Москвы – все происходящее в Тихом Городке, да и сам он кажутся сплошным миражом.

Огни вспыхнули и погасли, затопив темнотой.

А в Тихом Городке за несколько километров отсюда в доме прокурора все окна были темны. Дом был новый, недавно построенный, из силикатного кирпича, просторный, но относительно небольшой – два этажа и рядом гараж-пристройка. Наверху, в мансарде, располагалась спальня. Почти всю ее занимала широкая супружеская кровать немного неуклюжего вида – производства одной из местных мебельных фабрик. Окно по случаю летнего вечера было приоткрыто. Синяя шелковая штора чуть колыхалась от ветра.

Рядом с кроватью на коврик валялись газеты – «Аргументы и факты», «Известия» и старый журнал «Караван историй». И ночник давно был потушен. Сбив, скомкав простыню к ногам, на краю кровати лежала женщина в розовой ночной рубашке. Темные густые волосы рассыпались по подушке. Когда-то, ах как это было давно – еще в Москве – и вроде бы совсем недавно, эти темные душистые волосы сводили Илью Ильича Костоглазова с ума, заставляя даже забывать о работе, о командировках на периферию и о внеплановых прокурорских проверках. Сводило с ума и само имя – Марина, что значит Морская, ускользящая, бегущая по волнам.

Марина Андреевна – жена прокурора – была одна в своей спальне, в своей постели в эту душную летнюю ночь. В то самое время, когда муж ее мчался по разбитой, плохо освещенной дороге с очередного места происшествия, она...

Ей мнилось, что она не спала. Вернее – что только что, мгновение назад, проснулась по какой-то непонятной пугающей причине.

От странного звука.

Что это было? Шорох? Стук ветки в окно от порыва ветра? Легкое царапанье по стеклу снаружи, словно кто-то вслепую ощупывал стеклянную преграду стекла, пробуя ее на прочность? Эхо далекого собачьего, волчьего воя – один зверь позвал, другой ответил: доброй охоты!

В спальне из-за задернутой шторы было совсем темно. Но казалось, что в этой крошечной темноте все предметы отбрасывают еще более густые, чем сама темнота, тени. Марина Андреевна, чувствуя в сердце необъяснимую тревогу, лежала на кровати, вжавшись в матрац. Тень от платяного шкафа, тень от туалетного комодика с зеркалом. Тень от окна. Но разве окно может отбрасывать тень? И почему так страшно? Господи, отчего же так страшно ей здесь?

Вой – тоскливый и грозный, переходящий в горланный клокочущий рык.

Доброй охоты! Спокойной ночи, *надаль!* Если доживешь...

Черный сгусток отделился от ночной темноты и застыл на мгновение. А потом двинулся от окна через комнату к кровати.

Марина Андреевна хотела закричать и не смогла. Хотела вскочить и не сумела пошевелиться. Она увидела – ясно и совершенно отчетливо – круг, который до этого видела не раз и не два. Круг, очерченный белым маркером на черном ватмане. Этот круг, медленно вращаясь, плыл по воздуху, словно медуза. На пол с него стекали, соскальзывали белые капли, похожие на слизь. Но нет, это были не капли, а начерченные мелом буквы – АБВГДЧЦ... Словно перепутанная, перемешанная азбука, чертова азбука. Черный круг, словно парашют, накрывал собой все: комнату, постель, ее саму, обездвиженную и безгласную, словно парашют. Словно чьи-то огромные траурные крылья.

Ей показалось, что вот еще мгновение – и она задохнется, лишенная воздуха в их складках: темнота была осязаемой. Как вязкий клей, как тягучая черная плоть она заливала собой воздух, лишая летнюю ночь кислорода. А перед глазами, как сумасшедший волчок, вертелось, кружилось, вращалось, вращалось белое блюдце. Такое до боли знакомое – с золотой каймой.

И вот, как будто завод кончился, блюдце разом остановило свое вращение и грохнулось вниз. Осколки, острые, как бритва, разлетелись по комнате. Черное удушье отступило. Жадно дыша, хватая ртом воздух, Марина Андреевна рванулась с подушек и увидела...

Нет, она не могла *это* видеть в своем доме.

Тяжелые складки черной мантии. А может, крылья, отливающие вороненой сталью. Нет, кожистая перепонка, вся в шрамах и трещинах. Огромные когтистые лапы – лапы ящера – и туловище гигантской птицы. Крылья, пугающие своей чернотой и бронированной тяжестью и одновременно мягкие, невесомые, как шелк. И – профиль на фоне темного зашторенного окна. Глаза, сверкающие в ночи темным нездешним огнем. Обжигающим сердце. Но это лишь на миг, на короткое мгновение: человеческие черты, призрачное, сказочно прекрасное их подобие. А потом...

Она увидела – она увидела ясно и отчетливо: могучие лапы с кривыми острыми когтями крепко и жадно держали добычу – голое окровавленное тело, истерзанное, изуродованное до неузнаваемости. Прядь волос, рот, перекошенный в отчаянном немом крике ужаса и муки. Когти вонзились глубже, словно выжимая, выдавливая из вен и артерий последнюю кровь. Призрачный профиль склонился. Тень от длинных прекрасных ресниц на щеке. Тень улыбки...

И внезапно все черты смешались, слились, смялись, оскалились, ощерились, и человеческое подобие – тень этого подобия – исчезло. Гигантский клюв, словно тесак, вонзился в добычу, раздирая живую плоть. Отрывая окровавленные куски мяса, дымящиеся сизые внутренности. Марина Андреевна слышала хруст ломаемых костей и дикий вопль боли. Смертный вопль. Черные крылья вздыбились, как гора, клюв разверзся – это был уже не клюв птицы, а пасть хищника. Чудовище, словно капкан, сомкнуло клыки на горле добычи. Марина Андреевна видела, как дергаются руки и ноги жертвы в последней агонии.

Она отпрянула назад, упала с кровати и...

Ей показалось, что она падает целую вечность, вращаясь и переворачиваясь в пустоте, в темноте, как то фарфоровое белое блюдце. Поганое блюдце с золотой каймой.

Удар оглушил ее. И она открыла глаза. Ночь. Тьма. Стук крови в висках. Она в своей собственной спальне. В супружеской постели.

И странный звук – шум, шорох. Тот самый?! Внутри, в доме? Нет, нет, кажется, снаружи...

Внизу у входной двери кто-то возился с замками. Потом начал громко стучать.

Марина Андреевна медленно села на кровати. «Аргументы и факты», «Известия» – тут на полу на ковре. Осколки блюдца – их не видно. Брызги крови, следы ужасных когтей – ничего этого тоже нет.

Значит, все это ей приснилось? Это был только сон. Ну, конечно же... боже...

Свет фар остановившейся у калитки машины. Мужские голоса.

– Езжайте, спокойной ночи. Жена сейчас мне откроет, наверное, заснула, не слышит, – голос ее мужа Илья Ильича.

– Ничего-ничего, мы подождем, посветим вам, – в ответ голос кого-то из его сотрудников. Марина Андреевна накинула халат и пошла вниз – открывать. Ложась спать, она заперлась изнутри на задвижку.

Зажгла внизу свет, открыла дверь. Увидела мужа. Серый костюм. Хмурый взгляд. Раздраженное, брюзгливое выражение и усталость на лице.

– Что, звонок так и не работает до сих пор? Мастера вызвать так и не удосужилась? – стараясь, чтобы его не услышали на улице в машине, сквозь зубы вместо «доброй вечер» процедила Илья Ильич. Выглянул из двери, бодро помахал на прощание: – Езжайте, все нормально! – Войдя, швырнул на ящик для обуви кожаную папку с бумагами, ослабил узел галстука, снял пиджак.

– Мастера так и не вызвала, – повторил он.

– Я звонила, он обещал прийти завтра.

– А звонок не работает сегодня, я полночи в дверь барабаню, домой попасть не могу. – Илья Ильич оглядел жену с ног до головы, отвернулся, проходя в гостиную, пальцем провел по полированной поверхности стола, подернутой пылью.

– И даже дома не убралась!

– Я с холодильником возилась, Илья. Он течет.

– Что? – Илья Ильич обернулся. – Что ты лжешь, холодильник абсолютно новый. Да и что там с ним заниматься? Вечно ты лжешь, бездельница. Сына в лагерь чужим людям спланировала, а сама... Ведь не делаешь же дома целыми днями ни черта! Без-ззз-дельница! Дармоедка!

Марина Андреевна слушала мужа молча. В другое время она бы не оставила без ответа ни одну из его гневных реплик. И, несмотря на поздний час, затеяла бы скандал. Но сейчас... Ей было страшно. Сон... Конечно же, это был сон, а то что же еще... Но этот сон был так свеж, почти осязаем в ее памяти.

– Пожрать-то у нас хоть что-нибудь найдется? – спросил Илья Ильич.

Марина Андреевна кивнула и поспешила на кухню. Первое, что она увидела там, включив свет, – это белое фарфоровое блюдо с золотой каймой. Краешек его был отбит.

Глава 2

Фома

Желтый сухой лист в зените лета, плавно скользящий с зеленой вершины прямо вам под ноги, – нота печали в симфонии радости, первый знак далекой пока еще, скрытой где-то там за летними горами, за июльскими облаками осени. Предвестник серых дождей и холодного ненастья. А быть может, и бурь, о которых не хочется даже думать, разомлев, рассиропившись от лени на террасе кафе.

Сергей Мещерский смотрел на желтый лист, единственный в своем роде, упавший с небес и приклеившийся к влажному, только что обильно политому уборочной машиной парижскому тротуару. Листок, утлый осенний кораблик, как ты неуместен на этом чистом тротуаре, на этом празднике жизни по имени Париж!

Мещерский сидел на террасе «Кафе де Пари» на бульваре Итальянцев. Всего час назад он вернулся из двухдневной поездки в Брюссель по делам своей туристической фирмы «Столичный географический клуб». Был самый конец июля. И сколько же всего случилось за это лето. Москва, Прага, Нивецкий замок – краса и гордость Закарпатья, и затем снова Москва. Друг детства Вадим Кравченко и его жена Катя...

На море житейском сезон штормов постепенно сменился благостным штилем. И Мещерский был этому безмерно рад. Друг детства, его жена, Вадим, Катя, их жизнь, их семья, их отношения, ссоры и примирения, разлуки и встречи... Он любил их обоих, честное благородное – любил, как самых близких и дорогих людей, но...

Катя... Что скрывать, в ходе последней ее ссоры и разлуки с мужем, с другом детства Вадькой, у Мещерского где-то в глубине, на самом доньшке сердечном возникли, как фантом, смутные надежды. А вдруг? А может быть? Друг детства Вадик, сверкая гневно глазами, недавно ведь раз пять или шесть в присутствии Мещерского заводил речь о разводе.

А потом была Прага и замок в Карпатах. Эту поездку они с Кравченко, наверное, не забудут никогда. А затем было возвращение домой и...

Все разговоры о разводе и все фантомы надежд – все это оказалось таким вздором. Муж и жена, Кравченко и Катя, были снова вместе. А он, Мещерский... Честное благородное, он был рад их полному примирению и семейному счастью. Он был адски рад. Так рад, что...

Отчего-то вдруг захотелось сбежать куда глаза глядят, чтобы не видеть, не наблюдать этого самого – он и она, муж и жена, снова одна счастливая сатана.

Но первыми сбежали, точнее, просто отправились отдыхать вдвоем – Кравченко и Катя. Мещерский стоически преданно проводил их в Шереметьево. Рейс Москва – Корфу. Солнечный греческий остров в Средиземном море. Приют влюбленных.

А людям одиноким, холостым, таким, как Мещерский... Что ж, им оставалось только или вкалывать в поте лица, зарабатывать деньги, или же очертя голову по старой русской забубенной традиции наострять лыжи в Париж.

Мещерский, как истый прагматик, решил совместить вкалывание-зарабатывание с Парижем. Дела фирмы «Столичный географический клуб», совладельцем которой он был, в этот год шли, увы, не блестяще. Отлучка в Прагу и в Карпаты в начале высокого сезона обошлась Мещерскому довольно дорого. А тут еще, как назло, один из его компаньонов, прыгая с парашютом в составе группы туристов-экстремалов, сломал ногу. Всего компаньонов – совладельцев фирмы было трое. Помимо сломавшего ногу и самого Мещерского, был еще один – Фома Черкасс. Он курировал так называемый «европейский куст» – поддерживал связи с туристическими агентствами и бюро Франции, Бельгии и Германии, отправлявшими в Россию группы путешественников, повернутых на экстремальных видах спорта и так называемом экотуризме.

Фома был не только компаньоном, но и давним другом Мещерского. Не таким близким, своим в доску, как Кравченко, но все же больше, чем просто хорошим знакомым. К туристическому бизнесу Фома имел прирожденный талант. В светлые свои периоды он буквально горел на работе, заводил полезные связи и знакомства, налаживал контакты, занимался рекламой, изучал спрос, разрабатывал новые туристические маршруты, и какие маршруты – пальчики оближешь, для совершенно невозможных, неадекватных, помешанных на риске экстремалов – всех этих бесчисленных дайверов, спелеологов, парашютистов, членов военно-исторических клубов, скаутов, альпинистов, прыгунов, пловцов, велосипедистов, конников и прочих.

Из Франции и Бельгии с его легкой руки туристы ехали не только в Москву и Питер, но и в российскую благословенную провинцию – на Волгу, в тульские и костромские деревеньки, на Урал, в Сибирь, на Байкал, на остров Ольхон, на Камчатку. А наши тем временем высаживались с экоэкспедициями где-нибудь на Андаманских островах или же на острове Ява, пылили на джипах, распугивая львов и гиен, в национальном парке Цаво или же кормили крокодилов цыплятами на частной ферме в окрестностях Куала-Лумпура.

В общем, Фома умел устраивать туристический бум и бурлеск, умел делать деньги и создавать настроение. Но это все в светлые свои периоды. А кроме светлых, увы, у него бывали и темные. И тогда...

В прошлый такой период, например, они из Парижа в Брюссель отправились вместе. Подвернулся весьма выгодный контракт с бельгийской туристической спелеологической ассоциацией, который надо было застолбить. Спровоцировал этот самый контракт именно Фома.

Рванули они в Брюссель не на скоростном поезде, а на микроавтобусе вместе с коллегами – сотрудниками парижского туристического офиса. Пути всего четыре часа, но не успели отъехать и полкилометра, как Фома, предчувствуя окончание своего светлого периода, уже извлек из дорожной сумки огромную подарочную бутылку водки «Смирнофф». Под удивленными взглядами коллег-французов он открыл ее и...

– Мсье, раз уж мы катим в этот ваш Брюссель, насухую, неподдатым ехать – плохая примета. Контракт насухую не пойдет.

К изумлению Мещерского, коллеги-французы быстренько с этим провокационным доводом согласились. Появились пластиковые стаканчики. Водитель микроавтобуса поглядывал в зеркало на своих пассажиров и только улыбался, подлец.

– У нас в генах это, в наших русских генах гвоздем, занозой это сидит, ты пойми, Поль, – внушал через полчаса пути румяный, разгоряченный Фома коллеге-французу, что там румянному – сизому, как баклажан. – Огромные просторы, глушь, сотни километров, тысячи верст. И где-нибудь по снежной целине, ты только представь себе это, Поль, мчатся сани... Или нет – птица-тройка... Эх, залетные! Эй, ямщик, не гони лошадей! А расстояния, какие расстояния – мама ты моя, вам тут это даже и не снилось. Пурга, метель, не знаешь – доедешь живым или замерзнешь, сдохнешь в пути. А тут как раз палочка-выручалочка твоя – фляжка. Выпил водки – ожил, все в тебе сразу воспрянуло, засверкало, заторчало. Это в генах наших, слышишь ты, француз, сука наполеоновская, – раз русские едут куда-то, хоть в этот ваш Брюссель, в логово НАТО, так должны, обязаны пить!

За первой бутылкой появилась вторая. Потом еще бутылка шотландского виски. В результате в «НАТО» все же въехали, но какие!

Вывалившись из микроавтобуса у дома-Атома – этой весьма нелепой достопримечательности Брюсселя, Фома, уже начавший входить в штопор, пожелал сфотографироваться, хотя видел этот Атом, наверное, раз уж в двадцатый. Был ветреный мартовский день. Вокруг дома-Атома шли какие-то ползучие ремонтные работы – везде громоздились груды снятого асфальта и гравия. Прохожие с растерянностью взирали на горластого яппи без пальто и пиджака, в одной только белой рубашке, со съехавшим набок галстуком – явно иностранца, наверняка русского, который карабкался на кучу строительного мусора, размахивая как флагом клетча-

тым шарфом от «Барберри» и полупустой бутылкой виски, и выкрикивал: «Эх, раз, еще раз, еще много-много...»

Мещерский – самый трезвый из всей компании – пытался его удержать. Но кончилось дело тем, что Фома подхватил его на руки: «Маленький ты мой! Козявочка!», подкинул вверх и на силу поймал, едва не уронив, не угробив в порыве пьяного восторга на глазах чинных брюссельцев и вмиг насторожившейся полиции.

Таким здоровяком, как друг детства Вадим Кравченко, Фома, конечно, не был. Но все же и с ним, тем более пьяным в дым, маленькому, щупленькому Мещерскому было не сладить.

В Брюсселе Фома уже не вылезал из баров, уйдя в запой. Кончилось тем, что у Писающего Мальчика – еще одной брюссельской достопримечательности – его, задержав, все же привели к знаменателю стражи порядка. И контракт, им же спроворенный, пришлось уже подписывать без него. А потом платить драконовский штраф в полицейском участке.

После Праги и Закарпатья, вернувшись в Москву, Мещерский несколько раз звонил ему в Париж. И попадал полосой – то на светлые периоды, то на темные, запойные. Проверять отчетность и финансы фирмы, Мещерский обнаружил, что жизнь его компаньона в Париже пробила в этих самых финансах солидную брешь и продолжает наносить ежедневный, ежечасный ущерб. Кое- что компенсировали заключенные новые контракты, однако все же ситуацию следовало немедленно исправлять.

Прилетев в Париж, Мещерский, однако, угодил в период светлый – помятый, слегка опухший, однако трезвый компаньон его сидел как штык в арендованном офисе на бульваре Мадлен, названивал своим французским «связям» по сотовому и бодро докладывал о новом своем проекте для иностранцев «Неизвестная русская глубинка».

– Вон сколько заявок, Сереж, – кивнул он на ноутбук. – Большой интерес французы проявляют. Завтра группа в Москву вылетает. Кроме Ярославля, Углича и Ростова, в Калязин у меня поедут лягушатники, и в Муром, и в Гороховец, и в Киржач, и в деревню молоко парное пить и в бане по-черному париться. А вторая группа, кроме Золотого кольца, поедет еще в Кирилловскую пустынь, и в Спасо-Крутицкую падь, и в Гусь-Хрустальный, в Юрьев-Польской, а потом на природу в «заповедный край воды и берез» – на водохранилище в Тихий Городок. Только там базу нам подготовить для них придется подходящую. Я скоро сам туда махну. Наверное...

Так Мещерский впервые услышал от Фомы название города – Тихий Городок. Но сначала не придал ему значения.

Необходимо было по делам фирмы снова ехать в Брюссель. И на этот раз Мещерский отправился туда один на скоростном поезде. Вернувшись утром, он, не заезжая к себе в отель и даже еще не завтракав, позвонил компаньону. Но Фома не отвечал на сотовые звонки. Мещерский позвонил в отель «Мадлен Плаза» – Фома на широкую ногу жил в двух шагах от арендуемого офиса, там же, на бульваре Мадлен. И получил ответ от портъе, что компаньон его в отеле не ночует вот уж вторую ночь.

Звонить французским коллегам в поисках товарища было совестно, но дела требовали вмешательства Фомы – в конце концов, он был ответствен за европейское направление их бизнеса. Двое из коллег-французов понятия не имели, где «Томас», а третий, тот самый собутыльник Поль, после минутного раздумья жизнерадостно посоветовал поискать его на улице Сен-Дени:

– Поищите там хорошенько у Жанет или у Кьяры-Албанки, ну и у прочих, спросите в отеле «А-ля тюрок», но петушков, я думаю, не стоит беспокоить, он же у нас полный натурал, не гомосексуалист, кажется...

Кажется... Только этого еще не хватало! У Мещерского, примчавшегося из Брюсселя на поезде, прозванном «серебряной сигарой», несмотря на радужные бизнес-перспективы, как-то вдруг разом скисло настроение.

Вместо улицы Сен-Дени он на такси доехал до бульвара Мадлен и еще раз проверил офис – он был заперт, и снова позвонил Фоме на сотовый – гудки, противные гудки, телефон не отвечал.

Пешком он прошелся по бульвару – мимо театра «Олимпия». Там с аншлагом шел мюзикл «Циник», на который с утра стояли в очереди не только туристы, но и сами парижане.

Добрел до бульвара Итальянцев. На террасе «Кафе де Пари» решил взять паузу – выпить кофе, позавтракать наконец-то по-человечески и подумать, как половчее и побыстрее отыскать в Париже загудевшего, снова вошедшего в беспощадный штопор Фому.

Кофе был первоклассный. Мещерский, когда приезжал в Париж, любил сидеть в «Кафе де Пари». Жизнь здесь словно остановилась на временах Сары Бернар и Оскара Уайльда – обшитые дубом стены, красные бархатные диваны, матовые лампы, скульптура и роспись витражей в стиле модерн. Говорят, именно здесь под звуки цыганских скрипок Уайльд дописывал свою «Саломею». Фирменный арабский кофе здесь варили еще с тех самых времен. И вино тут было отличное...

И вообще все было отлично – кроме Фомы. И... ах да, этот сухой желтый лист, приклеившийся к парижскому тротуару, прямо под ногами. Такой неуместный, жалкий на фоне буржуазного парижского лета – в декорациях зелени бульваров и роскоши цветников Тюильри.

Лист-предвестник, тайный знак. Напоминание о мимолетности, хрупкости летнего мира. О том, что и на празднике жизни может скоро наступить осень, а на пиру – горчайшее похмелье.

Да, кстати, насчет похмелья и вообще насчет злоупотребления. С чего, собственно, такому человеку, как Фома Черкасс, пить? Да еще в Париже, в этой колыбели европейской политкорректности, – и так зверски, так по-черному, по-славянски? Мещерский недоумевал. Вообще, несмотря на деловые и приятельские отношения, как все же он мало знает своего компаньона! Что там может не ладиться у Фомы? Вполне обеспеченный, продвинутый парень, из хорошей семьи, дед – известный академик, долгое время даже «засекреченный», работавший на оборону. Отец, мать тоже ученые, правда, не такие известные. С наследственностью вроде все в порядке – потомственные интеллигенты. Правда, все эти потомственные умерли, и сейчас в свои тридцать с небольшим Фома фактически сирота. Был он женат? Кажется... Нет, официально точно не был, но женщин у него всегда вагон и маленькая тележка. Но все это, особенно здесь, в Париже, в основном случайные девицы, подцепленные в клубах, или же проститутки.

С жиру пацан бесится, решил Мещерский и разозлился на приятеля. Привык тут, понимаете, в Париже. И строит из себя, строит, кстати, на их общий совокупный доход, капитал транжирит. Косит под «нового русского». Хотя когда не пьет – цены ведь ему нет и как организатору бизнеса, и как сотруднику. Без него они давно бы, наверное, терпели бы еще большие убытки. Вот и поди разберись.

Мещерский глянул на часы – черт, время-то как летит, Париж диктует свой собственный распорядок дня – с вокзала в кафе, потом в бар на Елисейские Поля, а оттуда...

Мимо по бульвару Итальянцев строем промаршировала экскурсия японских туристов – все с флажками, прицепленными на рюкзаки, у всех на головах панамы, а в цепких ручонках ворох фирменных пакетов – «Шанель», «Кристиан Диор», «Жан-Поль Готье». И все как из ларца – любознательные, трезвые.

«А, была не была, съезжу на улицу Сен-Дени, в этот самый отель „А-ля тюрк“, к мамаше Кураж или как там ее, – решил в сердцах Мещерский. – И если обнаружу Фому пьяного у какой-то там Кьяры-Албанки, честное благородное, морду набью. Может, хоть это его отрезвит в конце-то концов!»

Сказано – сделано. На стоянке, сев в такси, Мещерский назвал улицу. Темнокожий шофер ухмыльнулся в зеркало – вроде бы рановато для таких адресов, месье.

В дневное время улица Сен-Дени, подхватившая эстафету у столь же популярной пляс Пигаль, до слез напоминала какой-нибудь Кривоколенный переулок и Черкизовский «толчок» одновременно. Окна вторых этажей невысоких особнячков, бывших когда-то свидетелями убийства короля Генриха IV («Жил-был Анри Четвертый, вино любил до черта»), наглухо зашторены. А на первых этажах – лавчонки, где на лотках выложена для отвода глаз разная дребедень – обувь, поддельные китайские часы, грошовая бижутерия, приспособления для пирсинга и татуажа. Тут же внутри на вешалках – шейные платки, шали, кожаные куртки из Туниса, грубые сумки из Алжира, сувениры, диски. В дверях на стульях, развалясь нога на ногу, в облаках сигаретного дыма с легким травяным душком ленивые живописные растаманы – в широченных штанах-карго, в майках, открывающих загорелые плечи, по которым рассыпался ворох черных туго заплетенных косичек. На стенах через каждый шаг красочные плакаты «Массаж», «Салон йоги» и фотографии знойных красоток в полный рост.

Мещерский отпустил такси у фонтана Невинных и сразу же попал в пешеходный туристический водоворот. Улица Сен-Дени, разделенная на солнечную и затененную половины, была, несмотря на неурочный дневной час, уже полной коробочкой.

Никаких проституток, пристающих к иностранцам на углах, правда, не было и в помине. Не было их и в окнах, и в витринах крохотных магазинчиков. Не манила, не соблазняла и отвязная порнореклама – днем здесь все было совсем не так, как ночью. Несколько девиц все же сучали в дверях лавчонок вместе с растаманами. Но торговали исключительно сувенирами, вяло переругиваясь.

Посредине улицы застыла в тоскливом ожидании стайка немцев – бледненьких, как поганки. Все, как один, в обтягивающих шортиках, маечках и голубых вязаных беретиках на головках-тыковках. Ими никто особо не интересовался. Да на фиг они сдались, зануды! Мимо Мещерского профланировал колоритный старичок, облаченный, несмотря на жару, в синий, наглухо застегнутый блайзер и белую фуражку яхтсмена с золотой кокардой. Вопреки бравому морскому имиджу губки старичка были кокетливо покрашены бантиком. Немцев в голубых беретах он миновал равнодушно, а вот возле атлета-нигерийца, охранника одной из лавок, выжидательно бросил якорь.

Мещерский разглядывал вывески. И где тут этот отель «А-ля тюрк»? Черт его знает. Все здесь вокруг – гостиницы, ночлежки и дома свиданий. Но названий типа «отель такой-то» нет как нет. На углу располагался знаменитый на весь Париж джазовый клуб – Мещерский вздохнул: вот бы им куда с Фомой-дураком сходить вечерком не мешало.

Его внимание привлекла женщина весьма солидного для этой веселой улицы возраста – смуглая, похожая на цыганку. Ее толстые, как у слонихи, загорелые ноги в модных «римских» сандалиях едва прикрывало молодежное платьице в стиле диско из золотой синтетики. В углу рта торчала незажженная сигарета. Женщина поманила Мещерского пальцем, прося прикурить.

– Кьяра? – спросил он наугад – авось? (Черт, ну и вкусы у Фомы, вот извращенец!) Щелкнул зажигалкой.

Она покачала головой – нет, обознатушки, мсье хороший. Выпустила кольцо душистого дыма, потом обеими руками, явно демонстрируя Мещерскому, обхватила свои груди-арбузы, взвесила их на ладонях. Коричневая плоть, как желе, заколыхалась у Мещерского под самым носом. Жест означал – какая, к свиньям, Кьяра, а я-то на что, парень?

– Отель «А-ля тюрк»? – быстро спросил Мещерский.

Грудь-арбузы снова обвисли, толстая рука ткнула куда-то туда – налево. Мещерский обернулся и увидел зданье – такое же, как и все остальные.

Он зашпешил, а то еще привяжется, карга, говорят, они здесь, на улице Сен-Дени, работают до гробовой доски.

Открыл дверь, зашел – внутри все ободрано, грязно, совсем не так, как в комфортабельном отеле «Мадлен– Плаза». И портье за стойкой нет. Дрыхнет, наверное, – устал за ночь-то ключи клиентам подавать.

Мещерский снова вышел на улицу. Черт, не стучаться же во все комнаты подряд в поисках Фомы. Он достал телефон и снова набрал знакомый номер. Гудки, гудки, и вдруг...

Со второго этажа из окна глухо, но все же явственно донеслась мелодия «Не думай о мгновеньях свысока». В Париже и вообще за границей Фома выбирал для своего телефона в виде сигналов мелодии исключительно из фильма про Штирлица.

– Фома! – закричал Мещерский фальцетом.

Телефон играл, звонил: «Свистят они, как пули у виска...» Теряя терпение, Мещерский ринулся внутрь, поднялся на второй этаж, отсчитывая двери, – вот она, дорогая! Как воспитанный человек, он громко постучал: «Фома, открывай!»

За дверью что-то грохнуло – явно пустая тара покатила по полу. Потом все стихло, притаилось. Потом дверь открыл Фома, мужественный, волосатый, обнаженный и вместе с тем рыхлый, как медуза, обмотанный вокруг торса простыней. Волосы всклокочены, на щеках щетина, а в глазах...

Что-то было с ним не так. Заглянув в глаза его, Мещерский сразу это почувствовал. И дело даже было не в перегаре, не в алкогольной отечности и прочих прелестях запоя.

– Ты? Здесь? Серега? Как ты меня нашел? Ну заходи. – Фома посторонился.

Все гневные обличительные реплики застряли у Мещерского комом в горле.

За спиной Фомы в крохотной комнатенке-номере была только постель, в ней кто-то ховался, укрывшись с головой одеялом.

– Боится, что ты из полиции, – сказал Фома, – она нелегально тут в Париже. Эй, хорош придураться! – Он дернул простыню, дальше последовала длинная французская фраза, которую Мещерский понял лишь отчасти.

Девушка вскочила с постели. Она была очень хорошенькой и совершенно голой. Загорелая точеная фигурка, золотистые волосы. Мещерский ужасно смутился и сразу же до сердечной боли позавидовал Фоме. Вот ведь – и тут, в гнезде разврата на улице Сен-Дени, алкаш запойный сумел отыскать для себя настоящий бриллиант в навозе!

– Все, катись, – Фома бросил ей несколько скомканных евро. – Оревуар! Не видишь – друг ко мне пришел, выметайся. И прикройся ты, б..., хоть чем-то! – Он содрал с кровати простыню и швырнул ее проститутке.

Та только сверкнула глазами, фыркнула, как кошка, сгребла деньги, сгребла свои вещи, продемонстрировав Мещерскому упругий сочный задик, нагнулась, выживая из-под кровати босоножки на аршинном каблуке.

– Красивая девушка, – только и мог выдавить из себя Мещерский, когда она с грохотом захлопнула за собой дверь, выскочив в коридор.

– Сучка. В баре сама ко мне на колени плюхнулась. – Фома хмуро искал что-то глазами – явно бутылку. – Когда танцевала, я прямо обалдел. Так на сестру мою была тогда похожа. У меня прямо вот тут захолонуло, – он хлопнул себя пятерней по груди. – Я подумал – это сон, не может такого быть... Сидел, смотрел как дурак, не верил. А она заметила, они это быстро секут. Подошла, хвостом вильнула и сразу ко мне на колени. И все равно такое сходство с моей сестрой, ты себе не представляешь... Меня как громом, Серега, ударило. Молоть что-то начал – пьяный же был в улет. Не успел пары слов сказать, а она уже мне штаны расстегивает... Моя сестра...

– Фома, – Мещерский повернул его к себе, – ты что городишь? Ты совсем, что ли, мозги пропил?

Фома закинул голову вверх. И неожиданно всхлипнул. Пьяные слезы похмелья. Мещерскому было и противно, и жалко его. Что он такое нес сейчас про свою сестру? И разве у него есть сестра? Прежде он о ней никогда не упоминал.

– Это все макияж, Сережка, – хрипло сказал Фома. – Бабы фокусы. Я ее там в баре в туалет поволок, смыл все с рожи – и пропало сходство. А было таким сильным, что я даже подумал ненароком...

– Фома, давай отсюда выбираться, а? – тихо сказал Мещерский.

– Ты не понимаешь. Я вдруг увидел ее. Через столько лет. Живой.

– Живой? Твою сестру? Но...

– Это все бабы штуки, обман, косметика. – Фома неожиданно сгреб Мещерского за грудки, притянул к себе. – Я облажался там, в баре, как никогда в жизни. Думал – вижу ее снова живой. И ничего того не было, понимаешь?

– Чего того? Я не понимаю, что ты городишь. И вообще, отпусти, ты меня задушишь!

– Мою сестру убили. Растерзали как волки, как стая бешеных волков... Ножом били, и все в живот, в живот, в живот девчонке! – Фома хрипел в лицо испуганному Мещерскому. – А чтобы не кричала, не звала на помощь, в горло, в рот забили песка, щебня. Резали ножом живую, а в рот грязь заталкивали, забивали кляпом. А ведь она красавица была, такая красавица... Она сестра мне была... Старшая сестра...

– Фома...

Черкасс отпустил Мещерского и, словно силы оставили его, опустился снопом на кровать. Голова его свесилась. Мещерский видел лишь русый взъерошенный затылок.

– Мне было семнадцать. В то лето мы жили у деда на даче в Тихом Городке, – голос Фомы звучал тускло. – В Тухлом Городке мы жили тогда... Я и моя сестра Ирма... А теперь вот я собираюсь туда один. Но я не могу один. Не могу. Ты ведь поедешь со мной туда, Сережка?

Мещерский молчал. Фома молча указал ему глазами на фляжку с водкой – ее не надо было искать по всему номеру. Она валялась тут же на полу под кроватью, рядом с его дорогими щегольскими ботинками.

Мещерский поднял фляжку и подал ее товарищу.

Глава 3

Круг или безымянная субстанция

На горизонте клубилась сизая дымка – остатки густого утреннего тумана. И все кругом – купола монастырских церквей, колокольня, площадь, вышка пожарной части, пристань, многоэтажки заводского района, улочки и переулочки, тупички и тенистые, заросшие липами дворы Тихого Городка – выглядело точно мгlistый мираж. Лучи жаркого августовского солнца пронзали мираж отвесно насквозь, и вид городка становился еще более фантастичным. Но заметно это было лишь издали – с шоссе, огибавшего Тихий Городок с запада. И сверху – с высоты птичьего полета. Однако воздушные трассы над Тихим Городком не пролегали. А горожане давно уже привыкли и к жаркому лету, и к мгле, и к постоянно разлитой в воздухе влаге. Большая вода – Колокшинское водохранилище – как огромная чаша притягивала к себе дожди и туманы.

Была суббота – в выходные Тихий Городок казался особенно тихим, точно вымирал. Марина Андреевна Костоглазова, которую все в Тихом Городке с момента ее приезда сюда с мужем за глаза называли не иначе как Прокуроршей, остановила машину на углу центральной площади, возле двухэтажного, заново отремонтированного особняка.

Особнячок был необычайно нарядным с виду – голубые стены, крыша, крытая красной металлочерепицей, на всех окнах в зеленых ящиках – яркие цветы, герань. Дверь была крепкой, дубовой, с жарко начищенной медной табличкой. Приземистый купеческий фасад несколько затеняла бросающаяся изумрудного цвета реклама: «СПА – Кассиопея». Салон красоты.

Хотя в связи с открытием туристического сезона весь Тихий Городок еще при предыдущем мэре был значительным образом приведен в порядок, отремонтирован и выборочно отреставрирован, особнячок с цветами на окнах с некоторых пор слыл негласно среди горожан самым красивым зданием из так называемых «новоделов». В прошлом на его месте стояла двухэтажная деревянная развалюха – бывший молельный дом. Участок земли под ним выкупила какая-то фирма – то ли московская, то ли питерская, тут горожане терялись в догадках. Сразу после сделки купли-продажи в городок нагрянула строительная бригада под командованием каких-то весьма предприимчивых кавказцев. В считанные дни они сломали развалюху и начали возводить новое здание. Через три месяца строительство было закончено, еще полтора месяца шла внутренняя отделка. На фасаде появилась вывеска «Салон красоты...», а потом в Тихий Городок приехала и хозяйка этого нового для городка заведения – Кассиопея Хайретдинова.

Впрочем, она не была для Тихого Городка абсолютно чужой, пришлой. Кое-кто ее помнил, а кто-то знал очень даже неплохо. Кассиопея – это было не прозвище, не деловой псевдоним. Это было ее настоящее имя. И Марину Андреевну, прозванную за глаза Прокуроршей, человека нового в Тихом Городке, это поначалу сильно удивляло. Но только поначалу. А потом все изменилось.

Марина Андреевна закрыла дверь машины, включила сигнализацию. Подержанная «Шкода Октавия». Когда-то, еще в Москве, ее муж Ильи Ильич приобрел ее по случаю у своего коллеги. Машина была в хорошем состоянии – особенно для Тихого Городка, но боже, как же был жалок ее вид по сравнению с серебристым внедорожником Кассиопеи, припаркованным возле салона. Тут же стояла и красная «Тойота», на которой ездила, как было всем известно в Тихом Городке, жена мэра Юлия Шубина.

Марина Андреевна позвонила и, дождавшись, когда с той стороны сработает включенная автоматика «вход», открыла дубовую дверь. Сердце ее глухо билось. Ладони вспотели. Все в сборе. Здесь все уже давно в сборе. Сейчас, вот сейчас она им расскажет... если сможет.

Внутри было прохладно и тихо. В воздухе витал аромат цитрусовой эссенции. На ресепшен, гибко облокотившись о стойку, как всегда, встречала клиенток сотрудница и помощница, правая рука Кассиопеи – Кира. Еще со школы в Тихом Городке одноклассники прозвали ее Канарейкой – за звонкий голос и веселый бесшабашный нрав. С годами Кира превратилась в первую красавицу города. И для заведения Кассиопеи была настоящей живой рекламой.

– Кирочка, привет.

– Здравствуйте, Марина Андреевна.

– Наши все здесь уже?

– Все, ждут вас, – Кира загадочно улыбалась.

Марина Андреевна слегка помедлила возле ресепшен. Потом прошла в зал. Внутри особнячок представлял собой уютную путаницу залов, коридоров и комнат. Стены были отделаны плиткой под розовый фальшивый мрамор. Ступеньки, сводчатые арки. Поворот – и вы в парикмахерском зале, где работают два парикмахера-стилиста. Коридор, поворот – и перед вами cabina солярия, похожая на космическую капсулу. Рядом зальчик тибетского массажа – все сплошь в дереве, бамбуковая штора на окне, мебель из малайского ротанга. Еще поворот – и вы в сумрачной ароматной комнате без окон – здесь даже в полдень горят свечи и мерцает фарфоровой белизной ванна-джакузи.

Тех, кто ее ждал, Марина Андреевна увидела в зале стилистов. В кожаном парикмахерском кресле сидела жена мэра Юлия Аркадьевна Шубина – стилист феном наносил последние штрихи ее ежедневной безупречной укладки. Вера Захаровна Бардина – секретарша мэра – только что закончила делать маникюр. В отличие от Юлии Шубиной она совершенно не пользовалась косметикой, волосы, густые от природы, укладывала на затылке тугим узлом, но вот безукоризненный маникюр и педикюр делала всегда. Вера Захаровна была самой старшей из них – в этом году ей должно было исполниться пятьдесят. И мэр Всеволод Шубин, давно знавший и всегда ценивший свою секретаршу за редкую работоспособность и отменные деловые качества, уже вскользь обиняком спрашивал ее, какой ценный и, главное, полезный в домашнем обиходе подарок Вера Захаровна хотела бы получить в свой юбилей от коллег и от администрации.

– Добрый день, – Марина Андреевна подошла к кожаному дивану у стены. Странно, ехала сюда – все было нормально, сама вела машину, и довольно лихо, хотя вообще садиться за руль не любила и боялась. А тут вдруг...

– Мариночка, вот и вы наконец-то. Кассиопея сейчас придет, и начнем, – сказала Юлия Шубина. – Я умираю от нетерпения. Марина, а вы что такая бледная? Плохо спали?

Марина Андреевна села на диван. Достала из сумки сигареты.

– Я проснулась среди ночи и потом... потом совсем не спала, глаз не сомкнула. Илья с работы поздно приехал.

– А, это задержание бандитов... Я в курсе. Севе сегодня утром начальник милиции звонил, информировал. Бандиты ведь двоих убили в Успенском. Вы за мужа переживали, бедняжка? Но ведь все обошлось.

– Да, то есть нет... про задержание я ничего не знаю. Илья мне ничего не сказал.

– Тогда в чем же дело? Что с вами стряслось? – Юлия внимательно посмотрела на Марину Андреевну.

Взгляд ее был слишком внимателен, слишком тревожен для этого, в сущности, весьма легкомысленного, расслабляющего места – салона красоты, где со стен смотрели постеры Скарлет Йохансон и Пенелопы Крус, рекламирующих средства L’Oreal для лица и волос, где за зеркальными стеклами витрины соблазняли взор модные кремы для «зрелой кожи», различные маски на основе натуральной французской, швейцарской, американской косметики, где тихо и умиротворяюще шумел фен и пахло духами.

Вера Захаровна тоже повернулась на своем кресле. Маникюр ее был закончен. И теперь она слабо перебирала пальцами, словно цедила воздух, заставляя лак на ногтях сохнуть.

– Вера Захаровна, помните, перед одним из прошлых сеансов, не последним, а предыдущим, вы рассказывали тот свой сон. – Марина Андреевна старалась, чтобы и голос ее, срывающийся от непонятого, необъяснимого для посторонних волнения, звучал не по-дурацки и сама она не выглядела полной, законченной идиоткой. – Так вот. Знаете, сегодня ночью я тоже...

– Марина, вы видели? – Вера Захаровна всем своим сухим подтянутым корпусом подавалась вперед.

– Кажется... Вернее, да... очень четко, страшно. Пугающе реально...

– Вы видели *его*? – Вера Захаровна понизила голос. – Значит, вы тоже видели? Он и вам явился?!

У этих ее вопросов и ответов Марины Андреевны была своя предыстория. Марина Андреевна о существовании Тихого Городка и будущих своих приятельниц – Юлии Шубиной, Веры Захаровны и Кассиопеи – не подозревала до тех самых пор, пока однажды утром – хмурым февральским утром – ее муж Илья Ильич с еще более хмурым, почти убийственно-трагическим видом сообщил ей, что его карьера в центральном аппарате на «сегодняшний текущий момент окончена» и его ждет вынужденный перевод на периферию.

Карьера Ильи Ильича целиком была связана с Москвой. Здесь двенадцать лет назад они и познакомились с Мариной Андреевной. Илья Ильич служил помощником прокурора в прокуратуре Юго-Западного округа, затем ушел в центральный аппарат на повышение, работал в отделе надзора за предварительным следствием в Генеральной прокуратуре. Со временем он возглавил отдел, и карьера его стремительным образом двинулась дальше. Начальство держало его на отличном счету. Он был умен, когда необходимо – прямолинеен и принципиален, а когда нужно – гибок и дипломатичен, обладал весьма полезными для крупного руководителя качествами – волей, настойчивостью. Умел прекрасно ладить с руководством, однако никто никогда не смог бы обвинить его в подхалимстве. Наконец, он был честен и не брал взяток. Должность начальника управления и новый классный чин светили ему уже в самой ближайшей перспективе, как вдруг...

Нет, это был не коррупционный скандал и не крупный профессиональный промах в рамках нашумевшего уголовного дела. Это была чисто бытовая семейная история. Отец Ильи Ильича попал в больницу. Старик перенес тяжелейший инсульт, в результате – почти полная парализация и потеря разума. Илья Ильич искренне считал, что он для отца сделал все возможное – устроил его в прекрасный военный госпиталь. О каком-то личном участии в уходе за отцом для него и речи не шло – он ведь был так занят на службе. Он уезжал рано, приезжал домой поздно. Он все время был на бесконечных совещаниях у руководства, в суде, в Министерстве внутренних дел. Ухаживать за больным у него просто не было времени. Это могла бы сделать его жена – Марина Андреевна, но она была занята с сыном, и вообще, Илья Ильич совершенно искренне был убежден, что раз уж он поместил отца в лечебное учреждение, то там за ним и должны ухаживать все эти – ну, которые из медперсонала – сестры, нянечки, солдаты-медбратья. Менять парализованному отцу памперсы и простыни, протирать ему спину спиртом от пролежней, кормить с ложки, подавать утку.

Сам он у отца в госпитале был всего один раз – приехал с Мариной Андреевной, постоял возле кровати отца пять минут. Старик лежал на спине, из уголка его рта сочилась слюна. Марина Андреевна хотела было салфеткой вытереть старику рот, но Илья Ильич нервно крикнул: «Сестра, подойдите сюда, устраните это!» – он тыкал пальцем в отца, как в вещь. И было непонятно, что, собственно, он требует таким прокурорским тоном «устранить» – неэстетично текущую слюну или же самого парализованного.

На глазах сестры он демонстративно достал из портмоне пятьсот рублей и столь же демонстративно бросил в пустой ящик голой отцовской тумбочки: «Вот, это за уход, пусть возьмет тот, кто захочет». Взятки медперсоналу за уход, как и взятки вообще в виде «благодарности», «платы» или «подарка», Илья Ильич не давал принципиально, уж тем более в ведомственном госпитале.

– Вы бы с отцом побыли хоть сколько-нибудь, – сухо сказала ему медсестра, – он ведь так ждал вас, гляньте, как он на вас смотрит.

Из глаз старика катились слезы. От мужа Марина Андреевна знала, что его отец всю жизнь проработал начальником пожарной части режимного предприятия – кажется, какого-то полигона в каком-то столь же зарежимленном и засекреченном в прошлом городе. Там же родился и Илья Ильич, оттуда же он и уехал в Москву поступать в заочный юридический институт. Кажется, звался тот город как-то чудно – Тихий, да Тихий Городок. Но тогда, в пору их столичного житья, название это было для Марины Андреевны – потомственной москвички – пустым звуком.

– Побыли бы с отцом, – повторила медсестра. – Что же он у вас брошен-то как беспризорный?

– Вы что, будете мне указывать? Вы? – Лицо Ильи Ильича, в общем-то весьма привлекательное, волевое, даже мужественное, перекошилось от злости. – Исполняйте свою работу.

– Илья, я могла бы... вполне... – вмешалась Марина Андреевна.

Но он лишь дернул ее за руку, вывел в коридор:

– Ты что лезешь не в свое дело? Ты что – не понимаешь, им за это деньги платят. За уход. Я не могу быть сиделкой, я занят на работе. И тебе не позволю горшки таскать – ты отвечаешь за воспитание нашего сына. А отец... Они здесь обязаны по закону делать для него все необходимое. Это их работа!

«Обязаны по закону» – это было любимое его присловье. И в стенах прокуратуры оно звучало совершенно уместно. Но в больничной палате, где витал запах хлорки, глушившей запах старческой мочи, слышать это было как-то нелепо.

Вот тогда впервые Марина Андреевна посмотрела на своего мужа со стороны и совершенно другими глазами, чем раньше.

Через месяц старика должны были выписать – состояние его было прежним, безнадежным. И Илья Ильич быстро нашел выход – определил парализованного отца в дом престарелых. Оплатил – весьма щедро – «Скорую» перевозку и услуги санитаров. А сам даже не приехал.

Он как раз ждал в этот момент нового назначения и усиленно к нему готовился. У него были огромные планы. Служебную записку о реформировании и реорганизации управления он подготовил тщательно и весьма умно и только и ждал момента, когда ее можно будет подать в качестве инициативного проекта заместителю генерального прокурора.

Однако назначение не состоялось. Илья Ильич – убитый, раздавленный – винил в этом... Кого же винить было, как не неких, окопавшихся в управлении интриганов, завистников, поднявших на щит эту весьма неприятную семейную историю со сданным в богадельню беспомощным отцом! В прокуратуре тогда, по мнению Ильи Ильича, вообще слишком много рассуждали о «моральных принципах и нравственности», а следовало бы заниматься конкретной борьбой с коррупцией и злоупотреблениями.

Но на этот раз его мнение в стенах центрального аппарата полностью проигнорировали и прозрачно намекнули: адью. Из Генеральной надо было уходить. Используя обширные связи и думая о будущей своей карьере (мало ли что будет через пару лет – и Генерального сменят там, наверху, и про «моральные принципы» перестанут мусолить во всех кабинетах), Илья Ильич начал подыскивать себе место, с которого в будущем возможен был новый карьерный рывок и возвращение на привычные управленческие круги.

Должность городского прокурора где-нибудь на периферии вполне для этого подходила. Вот так они и переехали с Мариной Андреевной и сыном, оставив в Москве приватизированную квартиру, в Тихий Городок. В этот момент здесь как раз сменилась почти вся городская администрация. Мэром города был избран друг детства и юности Ильи Ильича – Всеволод Шубин.

Марина Андреевна переезд восприняла крайне тяжело. Она винила мужа за все – за историю с отцом (тот вскоре умер в доме престарелых) и, как следствие этого, их «позорную ссылку», как ей казалось, в провинцию. Обычно покладистая в домашнем быту, теперь она стала другой – раздражительной и нервной. Между нею и мужем участились скандалы и долгие злые препирательства, выяснение отношений, взаимные счеты.

После одной из таких тяжелых ссор, уехав из дома, она и познакомилась с Кассиопеей. Тогда, еще толком не зная города и горожан, она просто купилась на броскую вывеску. Отправилась в салон красоты – успокоить разыгравшиеся нервы и заодно привести себя в порядок. В салоне Кассиопеи сделать это оказалось легко. А уж владелица была само очарование.

Именно здесь Марина Андреевна позже и познакомилась с женой мэра Юлией Аркадьевной.

– Называйте меня просто Юля, – сказала та. – Жаль, что мы с вами, Мариночка, не увиделись в тот прошлый раз. Как ваше здоровье, лучше? Ваш муж очень беспокоился о вас, когда приехал к нам с Севой. Он такой у вас славный, заботливый. Сева мне о нем столько рассказывал, ведь они так дружили в детстве.

«Тот прошлый раз» пришелся на момент особо яростной семейной баталии в семействе Костоглазовых – в тот раз, изрыгая проклятия, дом покинул Илья Ильич. Только позже Марина Андреевна узнала, что в тот вечер он был приглашен в гости (кстати, вместе с ней) домой к Всеволоду Шубину. Но тогда он не взял ее с собой – из злости и из принципа. Шубиным же он тогда объяснил отсутствие жены ее плохим самочувствием. Это была полуложь-полуправда: Марина тогда действительно чувствовала себя скверно – от расстройства. Но странные ночные кошмары ее в то время еще не пугали.

Чуть позже в салоне Кассиопеи появилась и секретарша Шубина – Вера Захаровна. Юлия однажды просто привезла ее с собой. И тогда, помнится, Марина Андреевна стала свидетельницей одного разговора между нею и Кассиопеей.

– Какое у вас редкое, необычное имя, – заметила Вера Захаровна, пытливо взглядываясь в хозяйку салона.

– Родители постарались, – улыбнулась в ответ та. – Был такой фильм «Москва – Кассиопея» про полеты к звездам. Космос был тогда модной темой. Вот меня так и назвали.

– Странно, мне кажется, что когда-то я уже слышала это имя – Кася... Кассиопа... Кассиопея. Давно, правда, лет, наверное, пятнадцать-двадцать назад. А вы прежде никогда не бывали здесь у нас, в Тихом Городке?

Кажется, в тот раз Кассиопея Вере Захаровне ничего не ответила. Разговор тут же сам собой перешел на другую тему. И вообще довольно долгое время все разговоры в салоне вертелись исключительно вокруг продвинутых косметических методик, оздоравливающих, омолаживающих процедур и городских сплетен. Салон был совершенно женским мирком – мужчины почти не заходили сюда на огонек. И даже охранника здесь не водилось, хотя ЧОПов в городке было пруд пруди. Кассиопея на охраннике сэкономила, оборудовав салон техническими новинками: пульт управления находился на ресепшен, где царила красавица Кира. Узрев на экране монитора клиентку у дверей, она нажимала кнопку, и автомат открывал крепкую дубовую дверь. Клиентка входила, и дверь наглухо задривалась.

Все это было непривычно для Тихого Городка, но до поры оставалось незамеченным – рядовые горожане не слишком-то рвались посетить салон. Их отпугивали здешние высокие цены. В Тихом Городке хранили верность старой, еще «советской» парикмахерской на Боль-

шой Чекистской улице. А новомодный салон на углу центральной площади, в двух шагах от мэрии, именно по своему внешнему европейски-продвинутому дизайну казался горожанам недоступным и слишком крутым.

А вот Марине Андреевне салон понравился сразу. Он напоминал Москву, вообще тот уклад жизни, который был привычен ей еще с института. И Кассиопея Марине Андреевне нравилась все больше и больше. Улыбчивая, всегда приветливая. И ее приветливость – Марина Андреевна это чувствовала – была не напускной, не притворной, а совершенно искренней. У Кассиопеи были синие глаза, великолепная кожа и осиная талия. А цвет волос своих она меняла чуть ли не каждую неделю. И, заходя в салон, Марина Андреевна никогда не знала, какой она увидит Кассиопею – блондинкой, брюнеткой, шатенкой или рыжей, как лисица. Эта изменчивость внешности, ускользающая тайна красоты и вместе с тем редкое постоянство дружеского внимания и участия и влекли к себе Марину Андреевну все сильнее и сильнее. Вскоре она стала замечать, что скучает без салона и без его стильной, такой «столичной» хозяйки.

И однажды разговор зашел о Питере (Кассиопея рассказывала о нем, как о городе, где она училась в институте и начинала свой бизнес).

– У меня в Питере есть подруга, так вот с ней произошел потрясающий случай, – сообщила Кассиопея. – Представляете, она купила себе «Мерседес», еще даже не успела застраховать, как его угнали – прямо со стоянки.

Марина Андреевна ждала дальше обычного: у подруги в Питере угнали «Мерседес», а ваш муж в прошлом работал в Генпрокуратуре в Москве, не осталось ли у него связей в МВД, чтобы поспособствовать быстрейшему розыску авто, и так далее, и тому подобное. Но Кассиопея, тряхнув гривой золотистых волос, поведала о другом:

– Мы с ней куда только не обращались: и в милицию, и даже к местным криминальным авторитетам, все без толку. А потом нам дали телефон одной женщины, она жила на Московском проспекте. Она провела сеанс, мы в нем участвовали. Настоящий спиритический сеанс, и в результате она получила адрес, по которому можно было найти угнанную машину. Моя подруга отнесла этот адрес в милицию, те послали оперов проверить. И представьте себе – «Мерседес» там и нашли во дворе, в закрытом гараже. Гараж пришлось вскрывать автогеном. А хозяина гаража и всю их банду угонщиков потом поймали и арестовали.

– А от кого же ваша подруга и та женщина получили этот адрес? – строго полюбопытствовала присутствовавшая при разговоре Вера Захаровна.

– Ну, там на сеансе все было так... так необычно. Свечи, круг с буквами и эта дама-медиум, такая вся неординарная, – Кассиопея, как кастаньетами, щелкнула пальцами. – Я потом к ней тоже обратилась по личному вопросу, но она сказала, что для меня ничего сделать не сможет, потому что я якобы сама сильный медиум, хотя даже об этом и не подозреваю. И она предложила мне попробовать. Это было такое непередаваемое ощущение, ни с чем не сравнимое. Я ничего подобного прежде не испытывала, хотя нет, вру... что-то похожее со мной было, когда я еще в школе училась, и потом тоже... Но я и понятия не имела, что это такое.

– Так кто же все-таки во время сеанса подсказал тот адрес вашей подруге? – спросила и Марина Андреевна. – Дух, что ли?

Она спросила просто так. Она расслабленно отдыхала с медово-фруктовой маской на лице. До этого ей сделали тибетский массаж, и она находилась в состоянии сладостной лени и любопытства – совершенно невинного, чисто женского. О спиритических сеансах у нее было самое смутное представление. Это, наверное, как в фильме «Собачье сердце», где группка комичных «бывших» собирается в столовой за столом и вопрошает: «Дух Императора, скажи нам, когда же, наконец, кончатся большевики?»

В конце концов, это же был всего-навсего Тихий Городок – глухомань, захолустье, фольклорный край непуганых аборигенов. И на это даже в продвинутом здешнем салоне красоты следовало делать огромную скидку.

– Я не знаю, кто это был, – ответила Кассиопея. – Но это такое потрясающее ощущение. Если пожелаете, мы тоже могли бы как-нибудь попробовать. Так, от скуки, просто поразвлекчесь сообща. А потом сыграем в преферанс.

Но тогда они эту тему оставили. И вообще, что это была за тема такая – курам на смех! Разговор возобновился много позже – уже в апреле, когда в Тихом Городке, как и повсеместно в области, с живейшим интересом дискутировался вопрос о том, останется ли у руля губернатор или же его попросят восвояси. Срок у губернатора области еще не истек, но он по новоиспеченной моде поспешил поставить перед Москвой вопрос о доверии. Больше всех в салоне Кассиопеи эта тема волновала, естественно, жену мэра Юлию Шубину. В Тихом Городке знали: ее мужа выбрали здесь скорее вопреки, назло губернатору области. До открытого конфликта у Шубина с областным руководством еще не доходило, но трения уже возникали – особенно по вопросам областного и муниципального бюджета и финансирования. Ответ из Москвы запаздывал, и напряжение в области росло.

– Многое я бы отдала, чтобы узнать, оставят ли его нам губернатором на новый срок или же заменят, – говорила Юлия Шубина, над изящной головкой которой трудился стилист. – Сева звонил в Москву по своим каналам, но пока все молчат, как партизаны. А это вопрос очень важный для города. Я бы сказала, это первостепенный на сегодняшний момент вопрос.

Марина Андреевна понимала, что «первостепенным» этот вопрос является именно для мэра Шубина. Ее, например, это интересовало слабо – своих домашних проблем с мужем хватало. Но Юлия так и горела нетерпением и азартом. Да и Вере Захаровне это тоже было интересно. Именно тогда Марина Андреевна поняла, насколько глубоко и детально Юлия входит во все проблемы своего мужа и как важна, как небезразлична для нее его административная карьера.

– Ах, как бы узнать, кому бы позвонить? – Юлия кусала накрашенные губы.

– Можно попробовать спросить. Я могу попытаться, – тихо сказала Кассиопея. – Если повезет, мы узнаем с вами наверняка.

– У кого узнаем? – опешила Юлия.

И вот тогда вместо ответа Кассиопея позвала их наверх – на второй этаж салона, куда вела винтовая лестница. До этого они никогда наверх не поднимались. Знали лишь – хозяйка салона проживает именно там, наверху, там ее личное пространство.

Но Кассиопея повела их наверх не в свою гостиную и не в спальню, а в небольшую комнату над самой лестницей. Дверь ее была заперта на ключ. Кассиопея открыла и...

Эта комната за запертой дверью поразила Марину Андреевну тем, что у нее не было окон. Она была как-то выгорожена, вычленена из общего домового пространства. Всю ее занимал большой круглый стол, покрытый черным ватманом. Вокруг были расставлены стулья с высокими спинками. На столе стоял подсвечник – такие можно было купить в Тихом Городке во время летнего фестиваля кузнечного мастерства. Подсвечник представлял собой сплетенные розы – они были черного цвета и стильно гармонировали с черным покрытием стола. Подойдя, рассмотрев все получше, Марина Андреевна увидела начерченный на черном ватмане белым маркером круг и буквы АБВГЩХ – они сливались в белый четкий хоровод по всей окружности. Там внутри был еще один круг – цифровой – и еще линии, стрелки, какие-то знаки, но тогда Марина Андреевна не стала в них вникать, воспринимая все это просто как узор, затейливый орнамент.

А еще там было блюдо – вроде бы обычное, из чайного сервиза, однако с черной стрелкой-указателем. Оно лежало в центре стола донцем вверх.

– Давайте попробуем прямо сейчас, я чувствую, что у нас получится, – предложила Кассиопея. Голос ее был странен. Необычен. Словно тембр слегка изменился – потом, в ходе сеанса, надо сказать, он изменился еще больше. Выключив электричество, она зажгла свечи, взяв с подоконника коробок спичек. В комнатухе запахло серой. По мобильному она позво-

нила Кире вниз на ресепшен и попросила подняться – «нам нужно нечетное число участников» – и заодно принести травяного чая.

– Вы согласны? – спросила она.

Они все тогда в самый первый раз только недоуменно пожали плечами, заулыбались растерянно. Что это – игра, розыгрыш, новое лекарство от провинциальной скуки?

– А почему бы и нет, должно быть, это забавно! – энергично воскликнула Юлия и первой отодвинула стул.

Кассиопея сделала жест – подождите. Сняла с руки часы, взяла мобильный, спрятала все это в ящик дубового столика.

Они все последовали ее примеру. Марина Андреевна сняла обручальное кольцо и серебряный браслет с бирюзой, отдала и мобильный телефон. Кира принесла травяной чай в глиняном японском чайничке, разлила по пиалам. И они выпили. У чая был терпкий привкус, но в общем-то приятный. Это было как игра и одновременно как гипноз. Они приняли эту игру добровольно, от скуки, от любопытства. А потом сидели как завороченные.

Но вообще тот, самый первый раз Марина Андреевна помнила смутно. Шум какой-то стоял в ушах. И еще было непривычное головокружение, точно при подъеме в гору. А в общем-то было смешно и забавно. И никакого страха. Правда, чуть позже, когда Кассиопея, вдруг запрокинувшись назад, странно захрипела, точно ей не хватало воздуха, Марина Андреевна почувствовала – нет, не страх, но тревогу, беспокойство. Прекрасные синие глаза Кассиопеи помутнели. Ее пальцы судорожно впились в кисть Марины Андреевны.

Марина Андреевна было привсталала.

– Сядьте, вы сейчас все испортите, – прошепела Юлия. – Она же говорила, предупреждала!

Кроме этого незначительного инцидента, все прошло совсем так, как в фильме «Собачье сердце», – столь же нелепо. Но в целом весьма занятно. Тот самый животрепещущий вопрос «Получит ли губернатор области вотум доверия из Москвы?» был задан вслух. И Марина Андреевна помнила, что блюдце в тот момент действительно задвигалось под пальцами Кассиопеи, задергалось и пошло влево к начертанному белым маркером внутри круга слогану «нет».

Это было самой настоящей игрой. Они чувствовали себя после сеанса как в детстве – совершеннейшими девчонками, шалившими тайком от взрослых. Состояние это напоминало эйфорию – точно не чая травяного они выпили, а шампанского. И потом внизу, в салоне, куда они спустились оживленной женской стайкой, шампанское действительно появилось. Кира принесла его откуда-то из недр особняка в серебряном ведре со льдом. Ответ на вопрос, ради чего, собственно, они и затеяли все это, за бокалом шампанского уже не обсуждался. Это самое «НЕТ» – они словно забыли про него. Игра окончилась, осталось только это потрясающее пьянящее чувство радости и...

Марина Андреевна затруднялась описать это. Но уже на следующий день ей в какой-то момент ужасно, нестерпимо захотелось снова очутиться в той комнате без окон, за тем самым покрытым странным буквенным узором столом – в *круге*.

А спустя два дня из Москвы пришло сногшибательное известие: срок полномочий областного губернатора продлен не был, и он получил отставку. Об этом передали по телевизору и по первому, и по российскому каналу, и по НТВ. Так что новость быстро стала в Тихом Городке, да и во всей области общим достоянием.

Марина Андреевна не знала, как к этому отнестись – не к сообщению новостей, а к тому известию, полученному на два дня раньше за столом в ходе сеанса.

Все это могло быть просто совпадением. Ведь это же была игра.

Потом они приходили в салон Кассиопеи снова и снова, и постепенно все косметические, парикмахерские, маникюрные и СПА-сеансы стали заканчиваться у них только одним – общим сеансом наверху.

А потом однажды Вера Захаровна странно взволнованным, если не сказать испуганным, тоном сообщила, что ночью после сеанса ей приснился ужасный и вместе с тем по-тря-са-ющий (она особо выделила это слово) по своей значимости сон.

– Я увидела... Нет, словами этого не расскажешь. Давайте лучше спросим ЕГО сегодня – ОН ли это был, ОН ли явился мне в таком прекрасном, в таком жутком обличье.

ОН – так между собой они называли того, кому задавали там, за столом, свои вопросы. Сколько раз они пытались узнать его имя – зажигая свечи, выпивая терпкого травяного чая, садясь вокруг стола, спрашивая, спрашивая, спрашивая. Это была некая *безымянная субстанция*, образ которой каждая из них представляла себе совершенно особо, импровизируя, включая свое воображение на всю катушку.

Это была захватывающая игра – спасение от засасывающей провинциальной скуки. Так все они искренне считали. И так думала и Марина Андреевна – как раз до сегодняшней ночи, когда она проснулась у себя в спальне в ужасе, в холодном поту.

Жуткое обличье...

Прекрасный образ...

Тень тени...

Звездная пыль...

Москва – Кассиопея...

Растерзанное, истекающее кровью тело – она же видела его своими глазами. Ноги сучат, бьют, дергаются в последней агонии, взрывая пятками песок и щебенку...

– Мариночка, успокойтесь, Кира сейчас принесет вам чая с медом. – Марина Андреевна услышала над собой голос Кассиопеи.

Она увлеклась. Воспоминания... Сколько времени прошло с тех пор, как она здесь – в салоне? Пять минут, семь? Кажется, Вера Захаровна ее только что о чем-то спросила... Спросила – видела ли она сегодня ночью во сне...

– Мы не могли бы начать прямо сейчас? – хрипло сказала Марина Андреевна.

Кира принесла чай. Они выпили, словно перед дальней дорогой. Неброский бежевый лак уже успел высохнуть на ногтях Веры Захаровны.

Наверху, в комнате без окон, Кассиопея зажгла свечи. Ритуал повторился, как обычно, – сняв с себя все металлическое, все украшения, женщины чинно сели вокруг стола.

– А разве сегодня можно? – шепотом спросила Кассиопею Кира. – Вы же говорили, что сегодня нежелательно, не тот день, не совсем подходящий.

Кассиопея глянула на Марину Андреевну.

– Ничего, раз уж так вышло... Я чувствую себя хорошо, мне сегодня вполне это по силам. Кира, отложи мобильный.

– Да, да, забыла, извините. – Кира-Канарейка сняла с шеи телефон, висевший на шнурке.

– А что это – подходящий день, неподходящий? – спросила Юлия. – Раньше об этом что-то не было речи.

– Ну просто в некоторые дни лучше такими вещами не заниматься, – ответила Кассиопея, – потому что угадать нельзя, что произойдет, кто придет на зов. Может быть, и тот, кого вызывают, с кем уже был контакт, а может быть, и кто-то совсем другой.

– Другой? – Вера Захаровна выпрямилась. – Но мы до сих пор и того-то не знаем... Другой... Марина Андреевна, а что вы все-таки видели во сне? Какой ОН был? Я хочу сравнить. Два одинаковых сна разным людям присниться, конечно, не могут. Это против всех законов природы и логики, но все-таки я хочу...

– Если можно – потом, после, давайте же начинать, – Марина Андреевна чувствовала странное возбуждение. Словно что-то подстегивало, подзуживало ее изнутри, просилось на волю. – Давайте скорей начинать! Ну же!

Потрескивали свечи. Белый буквенный круг четко выделялся на черном фоне ватмана, как некая граница. Марина Андреевна откинулась на спинку стула – видел бы ее кто-нибудь из московских приятельниц, из родственников или их общих с мужем друзей, как она сидит в этом Тихом Городке в душной каморке без окон в компании провинциальных клуш и занимается таким бредом...

Это было как мгновенное отрезвление. Но уже через секунду она повторила нетерпеливо: – Давайте же начинать! Кассиопея, ну, пожалуйста!

Кассиопея глубоко вздохнула, словно при медитации. Взяла со стола блюдо и поднесла его к свечам, нагревая. Потом поставила его на ребро, удерживая кончиками пальцев. Марина Андреевна смотрела на ее руки – какие нежные они у нее, холеные, совсем нерабочие.

Кассиопея положила блюдо доньшком вверх, и они все одновременно дотронулись до него.

Холодок фарфора.

Под самыми окнами салона проехал грузовик. Грохот вспорол тишину и...

Руки Кассиопеи задрожали.

– ОН здесь, – прошептала она. – Здравствуй, ты здесь?

Они убрали руки с блюда, теперь только пальцы их медиума касались его.

– Ты здесь, да? – повторила Кассиопея.

Блюде под ее ладонью двинулось влево – едва-едва заметно. Стрелка указала в круге слово «нет».

– Ты не с нами?

Блюде снова дернулось в сторону «нет».

– Ты не здесь, но ты с нами... – Кассиопея закрыла глаза. – Но это ведь ты?

Блюде снова дернулось – «нет».

Юлия, забыв правила, хотела было что-то сказать, прокомментировать, но, встретив предупреждающий взгляд Веры Захаровны, промолчала. Сеанс начался странно и неудачно, все ответы были точно невпопад.

– Он не настроен на контакт, по-видимому, – шепотом произнесла Кассиопея. – Хорошо, я сейчас спрошу о том, о чем вы хотели. Скажи нам, пожалуйста... Сегодня ночью это был ты?

Блюде не шевельнулось.

– Ночью во сне – это был ты?

Никакого ответа.

– А той, другой ночью, в другом сне?

Внезапно блюде под ее рукой задергалось, начало метаться внутри круга, стрелка хаотично показывала на разные буквы. Вера Захаровна по своей профессиональной секретарской привычке даже на спиритическом сеансе не расставалась с блокнотом и ручкой. Следя за стрелкой, она лихорадочно записывала: Б, Е, Р, Е, Г, И, Т, Е, С, Ь...

– Берегитесь? – переспросила Кассиопея. – Ты советуешь нам беречься?

Нет ответа.

– Ты угрожаешь?

Блюде метнулось вправо. Стрелка показала: «Да».

– Но почему? Мы сделали что-то не так?

Ответа не последовало. Они ждали. Кассиопея молчала, явно раздумывая – спросить ли еще или прекратить сеанс?

Внезапно блюде под ее рукой двинулось по алфавитному кругу. Вера Захаровна снова взялась за карандаш: Я, Я, Я, Я... Э, Т, О, Я...

– Значит, это был ты? – голос Кассиопеи начал вибрировать.

Я, Я, Я, П, Р, И, Д, У... – выписывало блюде.

– Ты придешь? Как твое имя? Мы хотим знать. Как твое имя?

Она спрашивала, а блюдце уже опять двигалось, двигалось. Вера Захаровна записывала, стараясь не упустить ничего.

Марина Андреевна смотрела на хаотичный набор букв. Голова ее кружилась. Ощущение было такое, словно она снова падает, падает, как во сне.

– Прекратите, ей плохо! – услышала она нервный крик Юлии, а потом...

Потом она сидела на стуле со смоченными висками перед распахнутой настежь дверью. Дышала, ощущая аромат духов Юлии, – за неимением уксуса та смочила ей виски своими «J'adore». Тьма, в которую она окунулась на мгновение обморока, отступила.

– Мы прервали сеанс из-за вас, – тревожно сказала Кассиопея. – Это против всех правил. Это категорически нельзя было делать, но...

– Какая-то абракадабра, – Вера Захаровна поднесла близко к глазам написанные на бумаге буквы. – Л, И, Б, Х, А, Б, Е, Р – это бессмыслица.

Юлия забрала у нее текст.

– Л, И... Нет, ЛИБ... ЛИБХАБЕР. Знаете, если не обращать внимание на русские буквы, на написание, – сказала она, – то... «либхабер» по-немецки означает «любовник».

В спертый воздух комнаты с лестницы просочилось свежее дуновение. Огоньки свечей в выкованном тихогородскими кузнецами подсвечнике заплясали, заметались. Одна из свечей – средняя, оплывшая – погасла.

Серая ниточка дыма, бегущая вверх от обугленного фитиля, – вот и все, что осталось.

Глава 4

Продавщица, мэр и человек с орлом

О том, чтобы спешно возвращаться в Москву из Парижа и ехать в какой-то там богом забытый Тихий Городок, Сергей Мещерский в тот так сумбурно начавшийся день после поездки в Брюссель всерьез и не помышлял. Мало ли что там болтал ему Фома с перепою и большой головы.

Правда, вид приятеля отзывался в душе шемящей тревогой. Фома никогда еще во время своих окаянных загулов не выглядел так... так... Мещерский затруднялся подобрать точное слово. «Плохо выглядел» было бы слишком расплывчатым, аморфным определением. Этот взгляд, эта кривая гримаса – «Мою сестру убили. Ее убили там, в этом Тухлом Городке». В голосе Фомы – человека в общем-то доброго и открытого миру настезь – звучали ноты такой боли, такой ненависти, что Мещерскому невольно стало не по себе там, на этой самой улице Сен-Дени, которая клочкотала, клубилась под окнами дешевенького, протертого до дыр дома свиданий.

А Париж оставался Парижем и ни черта не хотел знать о каких-то старых тайнах и драмах. Он не желал отпускать никого из своих объятий. И Мещерскому так не хотелось уезжать отсюда. Нет, нет, в тот так сумбурно начавшийся день он об этом всерьез даже и не думал, но...

В офисе на бульваре Мадлен, куда с таким трудом все же удалось после улицы Сен-Дени залучить Фому, Мещерский обнаружил в компьютере любопытнейший контракт одной из ведущих французских туристических фирм. В контракте черным по белому были прописаны обязательства на прием фирмой «Столичный географический клуб» и ее партнерами-соучредителями (вслед за Фомой Черкассом шла фамилия Мещерского) французских групп, купивших туры на речные круизы по Волго-Балту. В списке обычных туристических достопримечательностей маршрута, кроме Ярославля и Углича, Мещерский обнаружил и название «Тихий Городок». Более того, по этому самому городку Фомой был составлен и уже представлен зарубежным партнерам подробный бизнес-план. Там значились экскурсии по двум монастырям, осмотр города, выезды на природу на водохранилище, конные прогулки, участие в фестивалях «Богатырские забавы», «Мужицкие игрища», «Квасные посиделки», а также посещение фольклорной Глотовской ярмарки. Кроме этого, были обозначены еще и полеты на воздушном шаре во время фестиваля воздухоплавания и какая-то «банная фиеста».

На столе, к своему великому изумлению, Мещерский нашел два авиабилета «Эйр Франс» на Париж – Москва на сегодняшний вечер на рейс 22.45.

Спрашивать разъяснений у Фомы было поздно. Воспользовавшись деловым энтузиазмом Мещерского, быстрым росчерком пера подмахнув брюссельские контракты, он снова куда-то отчалил из офиса. Словно какой-то бес водил его по Парижу в тот день!

Мещерский весь день проторчал на бульваре Мадлен, занимаясь текущими делами. На авиабилеты он решил просто не обращать внимания – пока что. Однако в восемь вечера Фома позвонил ему сам, опять нетрезвый, и заплетающимся языком сказал: «Я сегодня улетаю. А ты?»

– Ты где сейчас? – сухо осведомился Мещерский.

– Рядышком, бар на углу рю Дюфо.

Вроде бы и фраза была вполне обычная – в духе Фомы, но Мещерскому отчего-то опять стало не по себе. Тон такой был... на Фому непохожий. Обычно это было всегда что-то в бравурно-гусарском духе: «Господа, по коням!», «Экипаж, взлетаем!», «Отдать швартовы!» А тут... Таким тоном бросают последнее «прости», перед тем как сунуть себе в рот дуло пистолета.

Мещерский отправился в бар на улицу Дюфо. С полдороги он вернулся, снова открыл офис и забрал со стола авиабилеты.

Черт подери этого Фому!

В аэропорт Шарль де Голль примчались на такси впритык, проторчали в длиннющей очереди на регистрацию на рейс. Прошли предполетный досмотр. Фома был зверски пьян, но старался держаться прямо. Он был бледен и заторможен. И стюардесса даже спросила его заботливо, не разобравшись: «Мсье плохо себя чувствует?» Но затем, ощутив исходящее от Фомы амбре, все, кажется, поняла, умница.

В воздухе Мещерский удивлялся самому себе. Он же не собирался покидать Париж! Как же так вышло, что вот он на борту «аэрбаса» и летит, летит рядом с Фомой в Москву, а там еще куда-то к дьяволу на кулички, в этот Тихий Городок. Надо было выяснить, поговорить. Расставить все точки над «i». Расспросить, наконец, поподробнее – что это за история с убитой сестрой и отчего Фома о ней за все годы их дружбы и делового партнерства даже не заикался?

Однако, глянув на приятеля, Мещерский только сглотнул и спросил совсем о другом:

– Фома, там, в контракте, есть пункт на организацию экскурсий для французов на ярмарку ремесел в этот твой Тихий Городок. Так там что-то про лапти отдельным пунктом, я не совсем понял...

– Французы настаивают, чтобы в ходе экскурсии им были показаны настоящие русские лапти из лыка, весь процесс плетения, вся технология. – Фома смотрел в иллюминатор, где не было видно ничего, кроме облаков. – А то на других турах им поддельные подсовывают, китайские.

– Китайские лапти? – переспросил Мещерский.

– Из тростника. Контрафакт. А контрафакта лягушатники не хотят видеть. Водка, матрешка, икра, балалайка, лапоть, Сталин, Мавзолей, балет – вот все, что они желают видеть там у нас. И чтобы все русское, посконное, а-ля натюрель. – Фома повернулся в кресле и бросил зоркий взгляд на стюардессу, угощавшую пассажиров бизнес-класса спиртными напитками. – Рыбку там у нас мусью половят – ершей, окуньков, в баньке попарятся, на шарах воздушных полетают. Кому еще чего-нибудь такого захочется, что ж... Я лично могу им свою экскурсию провести. Покажу им место, где сестру мою зарезали, где она кровью, девчонка, истекла... Вон в Лондоне мы ж делали для своих буржуев тур по местам Джека Потрошителя, где он кишки на тротуар выпускал, так отчего же там у нас, на моей малой милой родине, не организовать что-то альтернативное...

– Фома, подожди, – Мещерский сжал его запястье. Оно было горячим, точно у Фомы была температура. – Погоди ты, успокойся. Видишь, мы летим домой. Все вышло, как ты хочешь. И я с тобой. Ты только объясни мне толком, что произошло?

– Ничего.

– Но я же чувствую!

– Ты все равно мне не поверишь, Сережа. Скажешь – допился до чертей.

– Положим, ты до них допился. Ну а все-таки? – настаивал Мещерский.

Губы Фомы задрожали.

– У тебя так не бывало – сидишь, все вроде нормально, ништяк полный. И вдруг...

– Что? Что вдруг?

– Как будто тебя позвали. Откуда-то оттуда. Издалека. Не знаю, как объяснить, – Фома покачал головой. – Из темноты. Из прошлого, которое... которое из памяти вытравить старался. Ты думаешь, я не пытался поначалу забыть на все это? Еще как пытался. Но не вышло. Та потаскушка в баре... Сережа, это стало последним толчком, последней каплей. Я ведь сначала подумал... Ее это глаза были, Ирмы, моей сестры... На одно мгновение, на один миг глянула она на меня оттуда и...

– Но ведь авиабилеты ты заранее заказал. И контракт с французами тоже заранее заключил.

– Да, конечно, – Фома потерянно кивнул. – Все верно. Ты не переживай. Это очень выгодный контракт. Столичный наш клубешник географический много будет с него иметь. Много бабок, Сережа. Но...

– Мы съездим вместе с тобой в этот твой Тихий Городок, – пообещал Мещерский.

Об убийстве он Фому там, в самолете, не спрашивал. Решил – расскажет сам. Когда сможет и захочет. Но кое-какие справки все же осторожно навел. Фома рассказывал неохотно и скупно: в прошлом Тихий Городок был закрыт для иностранных туристов. В окрестностях его находился полигон и производственная база секретного «почтового ящика», который возглавлял дед Фомы – академик Черкасс.

– Там испытывали антирадарные и навигационные системы, которые разрабатывал институт для оборонки. Дед и отец пропадали там месяцами, а потом построили там в поселке ученых дачу, – голос Фомы звучал почти равнодушно. – Большой такой был дом, Сережа. Мы туда приезжали всей семьей, жили подолгу. Я до седьмого класса даже учился в тамошней школе. Потом отца перевели в Москву, и мы переехали. Но все летние каникулы я проводил по-прежнему там, у деда. Ирма тоже, сестра. Потом, когда она в институт поступила театральная, она уже приезжала реже. А я по-прежнему часто – школяр ведь был. Ребят там было в городе полно знакомых. Только они почти все были старше меня. Они не ко мне, к сестре ходили. Родители их там работали в городке и на полигоне. У одного отец пожарной частью руководил, второй был сыном парторга. Еще у одного мать торговый отдел в исполкоме возглавляла. В общем, местные золотые тихогородские мальчишки... И девчонка там была – дочь главного инженера. У нее был старший брат. А у меня была старшая сестра...

Мещерский мало что уразумел. Приятели из местных, какая-то девица, ее брат... У кого в детстве не имелось дачных привязанностей и дружб? Где они теперь, эти дружбы и привязанности? У Мещерского, например, из всего детства только и остался один-единственный друг – Вадим Кравченко.

Он почувствовал, как соскучился по нему. С Кравченко все было совсем не так, как с Фомой. Этот дискомфорт, эти пьяные загулы, непонятные истерики, эта сосущая сердце тревога.

– Да скатаем мы в этот твой городок, – повторил Мещерский бодро. – Сделаем все, что требует от нас контракт, наведем мосты, наладим связи, организуем, как ты говорил, базу для приема туристов по полной программе. И ничего дурного там с нами не случится.

Однако вместе ехать в Тихий Городок им с Фомой не пришлось. По прилете в Москву у Мещерского нашлись срочные дела: из-за болезни второго компаньона все московское – контракты и обязательства – тоже было пущено на самотек. Пришлось срочно выправлять ситуацию. И все это заняло у Мещерского без малого неделю. Фома поначалу помогал ему, чем мог. А затем уехал в Тихий Городок один. Они условились, что Мещерский приедет туда поездом в конце недели – в четверг или в пятницу, как только отпустят дела.

На время он и думать забыл обо всем об этом. Москва плавилась от августовской жары. Термометр в тени показывал плюс тридцать. Отупев и обалдев от зноя, от телефонных звонков, от переговоров, от всего этого офисного бардака (каждое лето такой аврал, каждое лето!), в конце недели Мещерский уже воспринимал поездку в городок на водохранилище как подарок судьбы.

«Тишь, гладь, провинция, лодочки у берега, пляж песчаный, заливные луга», – думал он, покупая на Ярославском вокзале билет на экспресс. Тихий Городок был маленькой станцией. Утренний московский экспресс стоял там всего три минуты. А прибывал туда в самое неудобное для дел время – в половине четвертого дня.

Собрался он быстро. А потом – такси, вокзал, поезд, бизнес-купе, томик стихов (Мещерский таким образом настраивался на сентиментальный провинциальный лад), вагон-ресторан. Потом остановка, строгая проводница-валькирия в почти генеральской по красоте и пышности железнодорожной форме, перрон.

Приземистое здание вокзала смотрело на Мещерского подслеповатыми окнами. На фасаде виднелись часы, а вверху надпись, выложенная белым кирпичом: «Тихий Городок».

Добро пожаловать!

Фома на перроне его не встречал. Мещерский поправил на плече увесистую дорожную сумку и зашагал к вокзальной площади. Такси нашло его само. Сливового цвета «Святогор», залатанный на крыльях и на бампере, подкатил к нему задним ходом.

– Куда везти, далече?

Мещерский на мгновение задумался. Собственно, с Фомой они договорились, что встретятся в гостинице. Но вот вопрос – в какой? Но ведь он говорил, что там у их семьи, точнее, у его деда была дача...

– Слушайте, вы дачу академика Черкасса знаете? – спросил он шофера.

– Нет, что-то про такую не слышал. Так куда ехать-то?

– В город. Гостиница у вас, надеюсь, есть какая-нибудь?

– Две гостиницы у нас. Одна заводская на Пролетарской. И одна в центре на площади, новая, частная.

– Давайте-ка в новую. – Мещерский забросил на сиденье сумку.

У него снова испортилось настроение. Ну Фома! Не встретил, а ведь и поезд был ему известен, и час прибытия. И про дачу деда какое-то вранье сплошное. В маленьких городах именитых горожан-академиков знает каждый. А тут... «Может, и с убийством все выдумки, бред, – подумал Мещерский. – Он же почти на грани белой горячки был там, в Париже».

По сторонам он не глядел. А что глядеть? После Парижа-то? Везде все одинаково – леса, поля, поля, поля, овраги, пустыри, буераки, хилые деревеньки.

Дорога, петляя, взобралась на холм, в глаза ударил свет. Мещерский оторвался от своих невеселых мыслей и замер.

Внизу, насколько хватало взору, была вода и вода. Колокшенское водохранилище было очень похоже на море. Водную гладь рассекал быстроходный катер – такие можно увидеть где-нибудь в Майами или на Багамах. След от катера – точь-в-точь разрез: словно синий шелк вспороли ножом.

На высоком берегу белели стены монастыря. Горели жаром купола – позолота была свежей, не смытой дождями. Высокая колокольня фисташкового цвета тянулась под самые облака.

С колокольни сверзлась черная птица, галка или ворона, и медленно полетела над водой. Катер скрылся из виду.

Тихий Городок... Большая вода... Колокша...

«Это как будто тебя позвали. Откуда-то. Издалека». Позвали отсюда? Вот отсюда? Мещерский вздохнул. Эх, Фома! И на что же похож был тот странный зов? На звук трубы? На свист ветра, гремящего железом стареньких тихгородских крыш? Или, может быть, на крик, обрвавшийся так внезапно и страшно?

Черт возьми, при чем тут вообще крик? Никто не кричит. Никто никого не зовет. И вообще... Пить, пить надо, друг Фома, меньше – и в Париже, и в Брюсселе под Писающим Мальчиком, и здесь, в этой тишайшей провинциальной дыре.

Так искренне думал Мещерский. Но сердце... Откуда-то взялся – не пойми-разбери – и лег на сердце камень. И тяжесть его все возрастала по мере того, как... Мещерский полез в карман за сигаретами. «Зря я сюда приехал», – он не подумал так, он словно услышал это со стороны. Как будто кто-то шепнул это на ухо: зря, зря ты сюда приехал, берегисссь!

Сигарет не оказалось. Видимо, он забыл их в поезде.

– Вот и на месте, сто пятьдесят тугриков с вас, – объявил водитель.

Машина остановилась на центральной площади города. Особнячки и домишки. Особо выделялось здание в стиле провинциальной дворянской усадьбы с пузатыми колоннами, широкой лестницей и гипсовыми львами. Стены были желтого цвета, колонны и львы белые. На дворянском фасаде странно и нелепо выделялись пластиковые окна самого современного офисного вида. Возле здания было много машин.

– Это что у вас здесь? – поинтересовался Мещерский, расплачиваясь.

– Это у нас мэрия. А когда-то, я от тестя слышал, называлось благородным собранием, балы тут господ давали. Потом исполком тут сидел с райкомом вместе, львов тогда ликвидировали. А как стало все при Ельцине мэрией называться, опять этих барбосов гривастых вернули. Красуются вот. А вам вон туда. Гостиница – вот она.

Гостиница – двухэтажная, явный «новодел», – с виду была ничего, сносная. Мещерский немного взбодрился. «Тихая гавань» – название было многообещающим и созвучным общему настроению Тихого Городка.

Однако прежде чем снять номер и позвонить на сотовый запропавшему куда-то компаньону, Мещерский решил купить сигарет. Небольшой продуктовый магазин лепился прямо к зданию мэрии.

Внутри было прохладно – работал кондиционер. Все тесное пространство занимал собой прилавок-витрина. Мещерскому – единственному покупателю – призывно улыбалась из-за прилавка продавщица. На фоне стеллажа с бутылками водки, коньяка и вин разных марок она смотрелась весьма импозантно.

– Сигареты, пожалуйста, – Мещерский осмотрел витрину. – «Мальборо» или чего-нибудь такое найдется?

– Отчего ж не найтись? – Продавщица улыбнулась. Была она ненамного старше Мещерского, но шире его почти в два раза. Рано располневшее, рыхлое дебелое тело, затянутое в голубенький форменный халатик, трещащий, кажется, по всем швам под напором увесистой груди и тяжелых бедер. Припухшее лицо ее было густо накрашено, глаза жирно подведены черным карандашом. Волосы желто-соломенного цвета зачесаны вверх и подобраны заколкой на затылке. Они успели уже отрасти и у корней были темными, отчего пышная прическа казалась какой-то пегой, неаккуратной копной.

– Приехали откуда-то? – спросила она.

– Из Москвы. Товарищ вот должен был встретить на станции, да что-то не встретил, – Мещерский положил на лоток рядом с кассой деньги за сигареты. – Он сюда к вам на пару дней раньше приехал.

– У нас тут летом много кто приезжает. А зимой все – амба, мертвый сезон, – усмехнулась продавщица. – Ишь ты, с Москвы самой. Сигареты-то вон дорогие курите. Это хорошо, сразу видно – столица. Наши-то все подешевле норовят. На спичках и тех экономят.

– Дайте мне еще что-нибудь... Бутылку пива и воду какую-нибудь минеральную. Мой товарищ, он в прошлом жил тут у вас в городе, и родные его тоже. У его деда в здешних местах дача была, он был известный ученый.

Продавщица с бутылками в руках слишком резко для своей комплекции обернулась от винных полок. Уставилась на Мещерского.

– Черкасс его фамилия. Я хотел дачу их разыскать, думал, товарищ мой там... завис. – Мещерский едва по привычке не ляпнул про Фому «запил».

Продавщица стукнула бутылками о прилавок. Она смотрела на Мещерского теперь как-то иначе.

– Дачу Черкассов вы напрасно ищите, не найдете теперь здесь такой. А товарищ ваш, – продавщица вышла из-за прилавка и остановилась на пороге магазина перед широко распахнутой дверью, – вон он. Надо же, вернулся сюда... Через столько-то лет. Я-то в момент его

узнала. А он... Мимо проехал на машине, сделал вид, что не знает, не помнит, кто такая была и есть Наташка Куприянова.

На стоянке возле мэрии тем временем остановилась машина – покрытый дорожной пылью джип. Это не была машина Фомы, ее Мещерский знал как облупленную. Однако продавщица Куприянова не ошиблась. Мещерский увидел выходящего из джипа Фому. С ним был какой-то невысокий широкоплечий блондин в джинсах и в щегольской белой ветровке с золотым лейблом на спине в виде орла и какой-то надписью на английском.

Мещерский, расплатившись, забрал покупки и заспешил к товарищу. Продавщица Наталья так и осталась на пороге – наблюдать их встречу. Фома и его спутник молча ждали, когда он подойдет. И в это самое время из дверей мэрии стремительно вышел высокий мужчина в черных брюках, белой рубашке, при галстуке. Пиджак он держал под мышкой. Он был в черных модных очках и вид имел вполне ухоженный, столичный, а не провинциальный. Он спулся по ступенькам к стоявшей на стоянке черной «Вольво», но, увидев Фому и его спутника, замедлил шаг. Возникла какая-то странная неловкая пауза – Мещерский это видел, подходя к ним. Потом незнакомец протянул Фоме руку для рукопожатия. Что-то коротко спросил. Фома ответил.

– А это вот мой друг и компаньон по бизнесу – Сергей Мещерский, – донеслось до Мещерского.

– Добрый день, Фома, я звонил тебе и с поезда, и со станции, – деликатный Мещерский не знал, как себя вести – не устраивать же приятелю взбучку прилюдно. А так мечталось! Он ощутил явственное амбре – от Фомы пахло пивом. А вот спутник, с которым он приехал на джипе, был абсолютно трезв. Внешне он особенно ничем не выделялся – белобрысый, лицо какое-то белесое, глаза с прищуром. Лицо было худым и невзрачным, а вот фигура крепкой, с хорошо развитой мускулатурой. В руках его Мещерский заметил белую ковбойскую шляпу. Он тербил ее в руках – словно и желая, и не решаясь надеть.

– Это Сергей, а вот это... это мои знакомые. Мои старые знакомые, – словно и не слыша Мещерского, продолжил Фома. – Это вот Иван.

– Самолетов, – коротко бросил парень с ковбойской шляпой.

– А я – Шубин Всеволод Васильевич, здешний мэр, – вежливо и сухо отрекомендовался тот, который вышел из мэрии в темных очках. Очки, кстати, он так и не снял. – Фома, что же ты не сразу ко мне, как приехал? – он обернулся к Фоме. – Мне Иван вон вчера сразу позвонил. Сказал – ты в городе. Приехал вот, столько лет прошло. Вечность целую не виделись. Я думал, ты сразу ко мне зайдешь. Секретаршу предупредил.

– У тебя теперь секретарша? – усмехнулся Фома.

– А как же? Мэр – положение обязывает, как говорится. Иван мне сказал – ты давно и успешно в туристическом бизнесе. Собираешься тут у нас с компаньоном активно разворачиваться, французов к нам возить. У нас тут есть что иностранцам показать, продемонстрировать. На туризм, особенно в летний сезон, наш город возлагает большие надежды. И у нас много уже сделано, много чего организовано – ярмарки, фестивали под открытым небом. Потом наши достопримечательности – монастыри Ивановский и Михайло-Архангельский, церковь. Ну да что я тебе, Фома, рассказываю, ты сам все прекрасно знаешь. Помнишь, наверное.

– Я все помню, – сказал Фома.

Тут снова возникла крохотная неловкая пауза. Потом мэр Шубин кашлянул.

– Со своей стороны я всегда готов. Способствовать в полной мере всем вашим инициативам, при условии, если это будет выгодно городу.

– Мне кажется, перспектива откроется интересная, – Мещерский почувствовал, что ему надо вмешаться. Пора вмешаться. Ах, как эта встреча возле мэрии не походила на свидание старых друзей детства! Да и были ли они друзьями? Он прикинул – оба, и мэр, и этот самый столь мало разговорчивый Иван Самолетов, были лет на пять старше Фомы. Сейчас это было

уже не важно, но в детстве и в юности это было бы огромным препятствием для дружбы. – Нам надо посмотреть городскую инфраструктуру, достопримечательности, базу подготовить, так сказать, понимаете? Иностранцы – люди капризные, и превыше всего даже в экологическом туризме, которым сейчас плотно занимается наша фирма, они ценят комфорт. Мы планируем сразу несколько способов их доставки сюда – теплоходом во время речного круиза и также на туристических автобусах. Мы будем заезжать и в другие соседние с вашим города – в Палех, например, в Галич, в Кологрив, в Юрьевец, ну и вообще в глубинку, так сказать, где есть что-то интересное.

– Все самое интересное у нас. Поверьте, Сергей. – Мэр Шубин дружески и весьма развязно похлопал Мещерского по плечу. – Да вы и сами все увидите, своими глазами. У нас тут мало что изменилось...

– Что, совсем ничего не изменилось? – бросил Фома.

– Нет, отчего же, – Шубин снова помолчал. – Отчего же... Кое-что тут у нас совсем теперь по-другому. Я и сам сначала ко всему новому привыкал. Я ведь в последние годы жил в областном центре, кстати, тоже бизнесом занимался. Строительным. Ну а потом вся эта кампания с выборами грянула. Сначала избрался в законодательное собрание, поработал депутатом, ну а потом предложили баллотироваться на должность здешнего мэра. Пришлось нам с женой Юлей переезжать. Теперь вот второй год живем здесь. А перемены... их немного, но все же пришлось привыкать. Вот что, кстати, чтобы сразу ввести тебя и твоего товарища в курс здешних дел, я попрошу жену поехать тут с вами завтра, все показать. Она у меня толковая, считай, что это мой личный компаньон, мы в бизнесе с Юлей дела вместе вели, она мне очень помогала советом и вообще... Так что и в делах туристических, думаю, что-нибудь интересное подскажет – взаимовыгодное и для вас, и для города, для его развития в туристическом плане.

– Спасибо, но мы... – Мещерский не успел ничего сказать.

Все дальнейшее случилось почти одновременно.

Шубин достал мобильный и начал набирать номер жены. И в этот момент возле мэрии остановилась еще одна машина. Из нее толстым мячиком выскочил мужичок в сером костюме – деловитый и оживленный.

– Всеволод Васильевич, еле вас застал! Вера Захаровна, секретарша ваша, сказала – уехали вы к энергетикам. А у нас завтра в десять аудит, тут вот срочно подпись ваша нужна! – Он быстро и ловко подсунул Шубину какие-то документы. Ручка у него была уже наготове.

Мещерский и Фома молча ждали. Шубин внимательно просмотрел первый лист, перевернул. Внезапно лицо его покраснело. Он сдернул темные очки. Тут впервые Мещерский увидел его лицо как бы все полностью, целиком. Лицо это было энергичным и волевым. Но глаза, увы, все портили – они сильно косили.

– Ты что это мне подсовываешь, Горобченко? – В голосе его, всего минуту назад таком вежливом, сквозило бешенство. – Снова это? Это? Это?! – Он буквально ткнул в нос серокостюмному мужичку всего его бумаги. – Я же сказал, что все надо пересчитать и переделать. А ты и пальцем не пошевелил! Да эти документы не в аудит подписывать надо, их в прокуратуру надо сдать – дело возбуждать! Привыкли тут при прошлом руководстве!

– Да это же все еще когда согласовано, Всеволод Васильич. И Юрий Петрович ничего против не имеет, вот визу свою поставил.

– Визу? – Шубин бешено перевернул еще несколько листков. – Ах, он визу свою, а теперь и мне, значит, подсовываете. – С перекошенным лицом он внезапно рванул документы наискось. – Вот вам моя виза, вот вам аудит, вот вам выделение городских участков под строительство! – Он швырнул обрывки под ноги испуганному разозленному просителю. – Привыкли красть!

– Ну, знаешь, Всеволод Васильич! – злым фальцетом выкрикнул серокостюмный. – Что ты себе такое, в конце концов, с людьми позволяешь?!

– В следующий раз подсунете что-то подобное – пеняй на себя. В прокуратуре сразу будем разбираться у прокурора Костоглазова. А Петровичу, крыше своей, передай, я – Шубин, мэр здешний, воровать у города так нагло и беспардонно ему больше не дам. Выброшу вон из города в двадцать четыре часа. И больше он у меня сюда не вернется.

– Круто вы как, – только и смог сказать Мещерский. (Серокостюмный, сдавленно матюгаясь, заполз на заднее сиденье своей машины и был таков.)

– Круто? А как с ними, с ворами-то, еще? Совсем обнаглели. При прошлом мэре тут такой бардак творился. Бардак и коррупция сплошная. – Шубин тяжело, шумно дышал. Порыв гнева постепенно стихал. Но чтобы окончательно взять себя в руки и продолжать беседу с гостями города как ни в чем не бывало, ему, видимо, приходилось прикладывать почти титанические усилия. – Воровство повальное. Я с ворами и взяточниками дипломатом-соглашателем не был никогда и не буду. Петр Первый вон палку с собой постоянно носил. И чуть что – учил подлецов. Показывал, где раки зимуют. Зато и Россию с колен поднял, историю перелицевал. Я, конечно, не Петр, но здесь, в городе, я за все отвечаю – в том числе и за бюджет, и за честность тех, кто на этом бюджете сидит, задницу протирает. Отвечаю перед областью и перед Москвой, перед партийной фракцией своей, которая меня на это пост выдвинула и поддержала. Перед избирателями своими, наконец.

– И перед богом, – тихо, тускло сказал Иван Самолетов, до этого безгласный, вроде как ко всему полностью безучастный.

– Что ни говорите, а как вас, Всеволод Васильич, мэром выбрали – больше стало порядка. На-а-а-много больше.

Они все обернулись. Громкий женский голос звучал слегка насмешливо, но в общем-то одобрительно, нет, скорее даже почти снисходительно, покровительственно. Продавщица Наталья, та самая, что продала Мещерскому сигареты и пиво, по-прежнему стояла на своем наблюдательном посту на пороге магазина. То, что она вот так фамильярно разговаривает с городской властью в лице Шубина и вмешивается в ситуацию запросто, поразило Мещерского.

– А, Наташа, – Шубин кивнул. – Здравствуй. Ну, как там у тебя с квартирой?

– Да ничего. Живу – обживаюсь. Дом новый. Сортир теплый, не то что раньше, на дворе возле курятника.

– Значит, довольна жизнью?

– А чего ж мне не быть довольной? Вашими щедротами, – продавщица смотрела на Шубина с прищуром. – Вон знакомый ваш меня словно и не узнает. – Она перевела свой взгляд на Фому. – Ну, здравствуй, что ли. А ты здорово изменился. Ох, как сильно ты изменился. Тогда-то все сопляк сопляком был. А теперь – мужик.

– Ты тоже изменилась, – ответил Фома. – Я рад тебя видеть, Наташа.

– Врешь, – продавщица засмеялась, заколыхалась всем своим круглым, рыхлым, но, в общем-то, все еще весьма и весьма соблазнительным для мужского глаза телом. – Все-то ты врешь, пропащий, что рад. Какая радость, в чем она? Была да сплыла радость-то наша... Хочешь, совет дам тебе по старой дружбе: кого еще встретишь тут у нас невзначай – не отворачивайся, не надо. Все равно не поможет.

Глава 5

Паутина

Нет, совсем это было не похоже на теплую встречу после долгой разлуки. Ни слез умиления, ни объятий, ни медных труб, играющих приветственный марш. Вежливые голоса, пытающиеся звучать оживленно и не слишком наигранно, не чересчур фальшиво. А в глазах – Мещерский наблюдал это со все возрастающей тревогой – холодная настороженность, стерегущая каждую фразу, каждый жест.

Шубин, сославшись на неотложные дела, сел в машину и уехал. Продавщица Наталья вернулась в свой магазин. Лишь один Иван Самолетов проводил их до гостиницы. По тому, как он вошел в «Тихую гавань», как небрежно бросил дежурившему за стойкой администратору: «Салют. Все путем? Значит, так: это мои гости, два отдельных номера на втором этаже с видом на монастырь», было ясно, что авторитет его среди персонала непререкаем.

Впрочем, он тоже покинул их почти сразу. Мещерский, заполняя у стойки ресепшен гостиничный бланк, увидел в окно, как Самолетов дошел до двухэтажного и очень нарядного, украшенного цветами в ящиках особняка на углу площади, на котором была вывеска – «СПА Кассиопея». Он позвонил в дверь и терпеливо ждал, пока ему откроют. И ему открыли, но не впустили внутрь. В дверях показалась девушка-конфетка с копной платиновых кудряшек. У нее был великолепный ровный загар, стройные ноги, идеальная фигурка и прелестное кукольное личико с задорно вздернутым носом и пухлыми губками. Девушка так вся и лучилась красотой, молодостью и энергией, и видно было, что на неразговорчивого и чрезвычайно сдержанного Ивана Самолетова она производит сильное впечатление.

Они коротко о чем-то поговорили. Потом дверь захлопнулась перед самым носом Самолетова, и он медленно вернулся к своему джипу.

– Девушка первый сорт, – отметил Мещерский. – И кажется, с характером. Фома, ты и ее знаешь?

Фома, стоявший у окна, покачал головой – нет, кажется, нет. Имя девушки было Кира, звали ее в городе Кира-Канарейка. Она родилась и выросла в Тихом Городке. Но он ее не помнил. Для его памяти она была слишком молода.

Потом они пообедали в одиночестве в баре при гостинице. Отделанный деревом интерьер, белые крахмальные скатерти на столах, охотничьи трофеи в дубовых медальонах на бревенчатых стенах: голова лося, кабана, чучело россомахи – ресторанчик был декорирован в лубочном охотничьем стиле.

– Ты где сначала-то остановился, Фома? – спросил Мещерский. – Я думал, ты в доме деда остановишься. Ты мне даже адреса второпях не оставил, я спросил у таксиста, который меня вез, но он про дачу академика Черкасса что-то ничего не слышал.

– Я переночевал в другой гостинице, той, что на окраине, в Заводском, – ответил Фома. – Не хотел, чтобы сразу стало известно, что я здесь. Это ведь Ванькина гостиница. Тут полгорода Самолетову принадлежит – магазины, торговый центр, кинотеатр. И наша дача теперь его. Точнее, там нашего дома-то уже нет, он свой построил на его месте, на участке. Мы с ним как раз ездили сегодня смотреть. Он меня сам повез. После смерти деда – отца тогда уже тоже не было в живых – моя мать продала и участок, и дом. А Самолетов несколько лет назад этот участок купил.

Он отодвинул пустой бокал. Чудно было как-то – на столе перед ними в кувшине стояло местное бочковое пиво. А Фома по бокалам его не разливал.

Мещерский хотел было спросить про Шубина, про развязную продавщицу – его заинтриговали ее слова, – вообще про всех про них, про их прежние отношения, но, глянув на Фому, решил не лезть с расспросами в лоб.

– Когда мы с Ванькой приехали туда, на наш бывший участок, и я увидел, что нашего дома нет, так отчетливо мне вдруг он представился. – Фома смотрел в окно. – И вообще, все так живо. Как сидим мы все за столом на веранде, пьем чай. У деда гости из Москвы. Шум, споры, все такие молодые еще, живые. И вдруг за забором треск мотоцикла. Дед – сестре: «Ирма, твой очередной поклонник, часы по нему можно проверять». Это Илюха Костоглазов приезжал, у своего отца-пожарника мотоцикл тайком брал с коляской, чтобы сестру прокатить до пристани и обратно. Он теперь тоже здесь в городе, мне Самолетов сказал. Прокурор здешний... А потом еще вспомнилось – это я еще совсем мелкий был – на кухне шофер деда и домработница включили приемник: «Голос Америки» ловят. Это после взрыва в Чернобыле, никто ведь ни хрена тогда не знал. Так что все одно большое ухо. И мы тут же – я, Ирма и Ванька Самолетов. Он тоже к ней заглядывал, нравилась она ему. Сестра всем нравилась. Приемник трещит, глушилки, Чернобыль, потом про какого-то Буковского начали бубнить, и вдруг охранник деда, кагэбэшник, влетает на кухню как ошпаренный: кто позволил, кто разрешил, мать вашу перемать, американская пропаганда, да еще при детях, внуках советского академика, так вас и разэтак! Крик, скандал, а нам весело, мы бесимся, на голове ходим, колбасимся... Сережа, я ведь тогда считал этот город своим, родиной своей считал. И любил, так любил. Что же это она, родина, так со мной и с моей сестрой... Вот ты приехал сюда, ты чужой, совсем здесь чужой – смотри же, смотри, какая она есть... эта моя родина.

Мещерский опустил глаза. Лицо Фомы... какое оно у него сейчас... Зачем же он приехал, раз так ненавидит все это? Кто позвал его сюда и зачем? Для каких непоправимых дел, для каких бед?

Предчувствие неминуемой близкой катастрофы сжало сердце. Мещерский почувствовал, что здесь, в этом ресторане сонной провинциальной гостиницы, над этой ухой с расстегаем и жарким по-купечески, ему нечем дышать. Он поднялся из-за стола.

Окна ресторана, выходящие на площадь, обрамленные бархатными красными шторами, чисто вымытые, но словно подернутые паутиной.

Он ринулся прочь, на воздух – от Фомы ли, от этого жаркого по-купечески, от удивленных взглядов официантов, от изъеденных молью охотничьих чучел, от всей этой паутины – невидимой, но такой плотной, липкой, такой душной.

Но на улице легче не стало. Перед ним расстилалась площадь, а за нею улицы и переулки, весь город. Дома – приземистые, вросшие в землю каменными подвалами, деревянные фасады с резными наличниками, бревна, потемневшие от бесчисленных дождей и снегов, пузатые колонны и белые гипсовые львы бывшего благородного собрания – исполкома – мэрии, вышка пожарной части, стены древних монастырей, разоренных и отстроенных заново. Купола, купола – с новенькими, покрытыми сусальным золотом крестами и голые, без крестов, а еще корявые, гнутые ветрами, изуродованные стужей старые ветлы на берегу – прибежище вороньих косматых гнезд; покосившиеся полусгнившие заводские бараки со сломанными загаженными палисадниками; кирпичные девятиэтажки, торчащие из городского, иссеченного шрамами времени тела, точно каменные зубья-утесы. Заросшие лопухами кривые тупики и проулки, глухие высокие заборы, скрывающие новострой последних лет – кирпичный монолит с медными крышами, саунами и подземными гаражами, кинотеатр с огромным плакатом «Девятой роты» по фасаду, салон красоты «Кассиопея» с его цветущими геранями на окнах, так похожими в обманчивом закатном свете на аляповатые мазки то ли алой краски, то ли запекшейся крови. Все это были словно декорации к какому-то фильму со странным, не совсем еще пока понятным началом и ужасным – УЖАСНЫМ, в этом уже у ошеломленного, расте-

рянного, испуганного Сергея Мещерского не было никакого сомнения – концом. И на всем этом, словно дымка, лежала липкая плотная завеса – невидимая паутина.

Паутина... Здесь, в этом онемевшем заторможенном тихгородском царстве, все было ею опутано, подернуто, оплетено. И только, может быть, там, на берегу у Большой воды, на воле...

Но туда было не добраться, не вырваться. Того, кто хотел, кто попытался бы вырваться из паутины, стерегли и поджидали. Дрогнувшая кружевная занавеска в окне с резными наличниками напротив. Тень за углом. Пятно на потрескавшемся городском асфальте. Шум в ушах. Звон треснувшего колокола на фисташковой свече-колокольне. Вой собаки – где-то там, за домами, далеко и одновременно близко, почти совсем рядом...

«Поднимусь в номер, возьму вещи и вернусь на станцию, – подумал Мещерский, ощущая внутри – в сердце, в руках, в ослабших коленях – необъяснимую, неизведанную доселе панику-предчувствие. – И увезу Фому. Контракт с французами – черт с ним, заплатим неустойку. А если Фома не захочет, упрется, то...»

– Тебя что, тошнит, что ли? – услышал он за спиной голос Фомы. – Коньяку хочешь? У меня с собой фляга. Я там расплатился.

– Фома, я... – Мещерский обернулся. «Сейчас я скажу, что уезжаю и что ему тоже лучше уехать отсюда. Для всех лучше, для всех».

– Слушай, я хочу, чтобы мы с тобой пошли... туда. Ну, туда, на то место. Это недалеко отсюда. Я хотел пойти сразу, как только приехал, один. Но я не смог.

– Пойдем прямо сейчас? – Мещерский не спрашивал, куда его зовет Фома, он знал. Что это за *место*, подсказывали все эти обветшалые декорации, окружавшие их со всех сторон, эта паутина, в которой они уже почти окончательно запутались, едва миновав невидимую границу, сами того не заметив. Станция, перрон, «добро пожаловать!», такси, дорога, петляющая в холмах, заметающая свои собственные следы... Где, где пролегла эта граница, эта роковая черта, переступив которую уже нельзя было вернуться в настоящее, а только в прошлое, сулящее боль, страх, смерть?

«Я же хотел идти за вещами в номер? Так почему же?... Как же так...» – гадал Мещерский, покорно плетясь за Фомой через пустынную площадь. Закатное солнце клонилось к западу, со стороны водохранилища ползла белесая мгла. К вечеру она должна была накрыть город.

Глава 6

Место убийства

Горбатая улица (Мещерский запомнил ее название – улица Первопроходцев), застроенная старыми, еще купеческими домами (каменный низ, деревянный верх), уводила от площади круто вверх. С виду дома были тихи, как и все в городке, но не необитаемы. Мещерский, проходя мимо окон, чувствовал затылком пристальные любопытные взгляды – они с Фомой вызвали у местных недоумение: кто такие? Зачем пожаловали? Возможно, Фому кто-то из местных, прячущихся за шторами и ставнями, узнал, однако не спешил об этом извещать.

Но, в общем, улица была как улица – старая русская архитектура, нуждающаяся в срочной реставрации, нехитрый провинциальный быт.

«Не уезжай, голубчик мой, не покидай поля родные...» – донеслось из открытой форточки. Где-то в доме был включен радиоприемник, и Вадим Козин, забытый на столичных радиостанциях, здесь еще был востребован слушателями. «Голубчик» Сергея как-то сразу подбодрил. Он покосился на Фому, но тот словно и не слышал музыки.

За улицей Первопроходцев, как понял Мещерский, располагался городской парк. Четыре каменных столба поддерживали что-то вроде гипсового портика, обозначавшего вход. Мещерского поразило крайнее запустение этого места. В глубь парка в разных направлениях вели асфальтовые дорожки – разбитые, растрескавшиеся, поросшие травой. Вместо клумб были какие-то пустыри, поросшие бурьяном. Зелень росла вкривь и вкось, заполняя все вокруг, насколько хватало глаз, – кусты бузины, заросли орешника, сирени. Непролазная душная чаща, окружавшая старые вековые деревья – липы, березы, дубы. Парковый ландшафт терялся в этом анархическом буйстве кустарников. Вдоль растрескавшихся дорожек еще виднелись ржавые столбы фонарей, но в них давно не было ни стекол, ни лампочек.

Панорама заброшенного парка совсем не вязалась с пряничным видом монастырей и церковей Тихого Городка, этих его главных туристических фишек. Казалось, это место – значительный кусок городской территории – сознательно забросили, стараясь не тревожить. Гуляющих в парке в этот вечерний час было совсем немного. Мещерскому и его спутнику попался навстречу только какой-то бомж, ищущий в высокой пожухлой траве пустые бутылки.

Неожиданно картина изменилась – Фома вывел Мещерского на высокий обрывистый берег водохранилища. Вниз вела полусгнившая деревянная лестница. На берегу у самой воды были заметны остатки дощатого настила. Кое-где видны были фрагменты ограды, украшенной резьбой. Тут и там в песке валялись деревянные столбы с обрывками проводов.

– Тут была танцплощадка, – сказал Фома. – Каждые выходные была городская дискотека. «Ласковый май» тогда все крутили, «Комбинацию», но танцевать норовили только под «нанайцев» и под Тото Кутуньо.

Они стояли на берегу и смотрели вниз – на эти остатки остатков пятнадцатилетнего прошлого. Спуститься вниз по обветшалым ступенькам вряд ли сейчас было возможно.

– Фонарики в воде отражались, тут свою иллюминацию – светомузыку – делали. Сколько же тут всегда народа толклось! А какие были иногда драки... – Фома мечтательно закрыл глаза. – Я-то пацан был, академический внучок-тихоня, так что только смотрел, криком подбадривал. А старшие давали жару. Особенно Сева Шубин, как из армии вернулся, из ВДВ. Сдержаться себя никогда не мог, взрывался как порох и сразу – в рыло.

– Там, на площади, эта продавщица так с ним разговаривала, как будто они... ну не знаю, – Мещерский подыскивал подходящее слово.

– Шубин и она учились в одном классе. В десятом у них вдруг такая любовь пошла, что ты, что ты. Она его и в армию провожала. – Фома смотрел вниз. – Ждала честно. Потом он

вернулся из армии и... Не знаю, не помню. У меня тот год только с одним связан. С тем, что вот здесь случилось в этом парке после танцев. А Шубин с Наташкой Куприяновой расстались. Да и какая она жена мэра была бы?

– Значит, твоя сестра тоже приходила сюда на танцы? – осторожно спросил Мещерский.

Фома отвернулся и быстро зашагал прочь, Мещерский последовал за ним. Дорожка, более похожая на неторную тропу, уводила их все дальше и дальше от танцплощадки, от берега в глубь парка.

– Я в тот вечер сюда не пришел, не до танцев мне тогда было, – тихо сказал Фома. – Ирма ушла рано – это потом много свидетелей подтвердило из знакомых ребят. Она шла здесь, этой дорогой. Тут через парк напрямик всего десять минут ходьбы до нашей дачи было. Мы всегда тут бегали напрямик через парк. Тут раньше такой чащи не было, обычный был городской парк. А вон там были аттракционы.

Справа в зарослях кустов виднелись еще какие-то ржавые развалины. Скособоченная крыша из линялого пластика – явно в прошлом какой-то павильон, может быть, комната смеха или тир, а теперь ни стен, ни дверей, только бетонные столбы и этот навес, вот-вот готовый упасть и накрыть, похоронить под собой все. Дальше еще какой-то остов – ржавые болванки в бурьяне, остатки каких-то механизмов и поваленная набок кабинка с частью крепежных тросов какого-то аттракциона – сквозь кабинку давно уже проросло молодое дерево.

А дальше на фоне стремительно темнеющего багряно-закатного неба Мещерский увидел ржавый железный круг – остов карусели. Деревянные сиденья, на которых когда-то сидела и кружилась, вертелась детвора, давно уже были растащены. На фоне пурпурного неба качались и скрипели лишь ржавые цепи-тросы, свисающие с изъеденного коростой времени железного круга-основы.

В полной тишине, висящей над парком, скрип этот царапал по нервам. Мещерский оглянулся – они были совершенно одни среди темных деревьев и зарослей.

– В тот вечер Ирма прошла здесь и направилась вон туда, – Фома махнул рукой куда-то в глубь парка.

Они медленно обогнули карусель. Мещерский смотрел на железный круг, задрал голову. Словно средневековая виселица... Как странно меняются очертания предметов. Время словно стирает различия – парковый аттракцион, карусель и виселица. Что может быть между ними общего? Неужели эти ржавые цепи? И вот уже карусель не что иное, как пыточная дыба...

– Аттракционы уже закрывались, тут в тот вечер дежурил охранник Полуэктов. Он потом дал показания. Сначала дал, а потом отказался... От своих слов отказался, сволочь, – Фома произнес это так, словно у него внезапно перехватило горло. – Он видел мою сестру.

Они прошли метров сто – тропа, бывшая когда-то парковой аллеей, уводила дальше. Но Фома неожиданно остановился. Их окружала стена кустов. Внезапно с хриплым возгласом он напролом ринулся в самую их чашу.

За кустами было что-то вроде пригорка. В траве Мещерский в который уж раз увидел какие-то сгнившие доски. Тут не было таких густых зарослей, росли старые деревья. Присмотревшись, Мещерский понял, что перед ними остатки парковой беседки-избушки, из тех, которые любили возводить в семидесятых для компаний, выезжавших на природу жарить шашлыки.

– Там на дороге потом нашли ее браслет. Пластмассовый такой, все девчонки тогда носили такую бижутерию, – тихо сказал Фома. – Он его раздавил, когда схватил ее за руку. Когда поймал ее. У нее на руке вот здесь, на запястье, – он показал Мещерскому свою правую руку, – был кровоподтек. А браслет... Он его просто сорвал с нее. С аллеи он потащил ее сюда, за кусты в беседку. И потом тут... вот тут...

Внезапно он закрыл лицо руками и опустился в траву на колени. Стояла давящая вязкая тишина. Не колыхалась ни одна ветка, ни один лист. Мещерский оглянулся по сторонам. Ему показалось... там впереди, в кустах... Нет, это просто мираж, нервы...

– Она сражалась с ним, билась насмерть – моя сестра. Она всегда была храброй, она не хотела сдаваться, подчиняться ему, не хотела умирать. Здесь вокруг беседки был насыпан гравий, щебенка – против пожара, вот он и до сих пор тут. – Фома сунул руку в траву и вытащил пригоршню запачканных землей камешков. – Тут все было голо, никакой травы... И они были здесь – моя сестра и тот, кто ее убивал. Он пытался ее изнасиловать, юбка, колготки – все на ней было изорвано в клочья. Она кричала, звала на помощь, а он затыкал ей рот, забивал туда вот эти камни, гравий пригоршнями. Забивал до самого горла. А потом ударил ножом в живот раз, еще раз, еще, еще... У нее внутри не осталось ничего целого, ни одного органа, понимаешь ты? Печень, селезенка, кишки... Он вспарывал ее ножом, как мясник, тут все кругом было в ее крови – гравий, беседка... Он бросил ее здесь. Вот здесь она лежала – на этом самом месте. Все тело – одна сплошная кровавая рана. Руки – исцарапанные, со сломанными пальцами... Он бил ее ножом в лицо... У нее было такое прекрасное нежное лицо, такие тонкие нежные руки... И ничего этого не стало – одно мертвое месиво. Кровавый фарш для крематория... «Ирму убили, твою сестру убили, – сказали они мне тогда, весь этот проклятый город. – Была у тебя сестра, а теперь ее нет».

– Откуда ты знаешь, как все здесь было на месте убийства? Так подробно? – спросил Мещерский.

Фома взглянул на него снизу вверх, он все еще так и не поднялся на ноги. Губы его кривила какая-то странная шалая улыбка.

– А ты думаешь, я не интересовался подробностями? – спросил он.

– Ты так все описываешь, словно сам был здесь, – вырвалось у Мещерского. – Точнее, я не то хотел сказать, прости...

Поправить себя он не успел. Из кустов послышалось низкое глухое рычание. Это было так неожиданно и страшно в этом пустынном сумрачном месте, что они застыли на месте.

Из зарослей вышла крупная собака – рыжая с густой шерстью, топорщившейся пыльными клоками. В ее облике было что-то столь дикое и грозное, что струсил бы и самый смелый. Она смотрела прямо на них, оскалив желтые кривые клыки, шерсть на ее загривке поднялась дыбом.

Фома вскочил на ноги. Собака дернула головой в его сторону и еще больше ощерилась. На брюхе у нее Мещерский заметил... это было так странно... на серой пыльной шкуре выделялись шрамы – то ли от заживших ожогов, то ли от еще каких-то ран.

– Знаешь, по одной индейской легенде... – прошептал Фома.

– Что-что? – Мещерский чувствовал, что ему очень, ну просто очень хочется дать деру от этой первобытной псины.

– Духи мертвых...

– Что духи мертвых?

– Духи убитых, они являются в тех местах, где было совершено убийство. Являются живым в разных обликах. – Фома говорил уже громко, игнорируя вторящее ему в унисон гортанное яростное рычание. – Расскажи кому-нибудь об этой твари в этом городишке, и уже наутро на всех углах, во всех магазинах будут мусолить слух, что моя сестра является с того света в образе шелудивой грязной суки!

– Фома!

– Пошла прочь отсюда, тварь! – Фома нагнулся, сгреб камни из травы и швырнул их прямо в оскаленную морду.

Рычание оборвалось злобным хриплым воем. Собака шарахнулась в кусты.

Фома тяжело дышал.

– А потом они еще немного подумают и скажут, что она всегда была самой настоящей сукой, потому и после своей смерти... Что ты на меня так смотришь, Сережка? Это не я говорю, это они... Я-то знаю, какой она была – моя сестра. Ты ведь ее никогда не видел, правда? На вот, взгляни.

Он достал из нагрудного кармана своей белой рубашки маленькую фотографию и протянул ее Мещерскому. На ней была изображена девушка лет двадцати двух, блондинка с гордыми чертами лица. Во взгляде ее читался живой ум, ирония и какое-то врожденное превосходство над всем и над всеми.

Мещерский вернул фото. Сравнил девушку на снимке с Фомой – сестра и брат были мало похожи друг на друга.

– Пойдем отсюда, – сказал Фома, бережно пряча снимок.

Они повернули назад. Шли молча. Только возле ржавой карусели-виселицы Мещерский нарушил воцарившееся между ними странное молчание. Ему показалось – он догадался, вот сейчас, здесь, на месте убийства, понял причину, толкнувшую Фому приехать сюда в город через столько лет.

Ну как же, так всегда бывает и в романах, и в кино – герой, пройдя сложный жизненный путь, все эти тернии и звезды в виде парижских борделей, лондонских пабов, трансатлантических перелетов, возвращается к себе в свой маленький городок, чтобы попытаться раскрыть тайну, мешающую ему спокойно жить на этом прекрасном белом свете, – найти убийцу сестры и... отомстить, свершить свой собственный справедливый суд.

– Слушай, Фома, ты приехал сюда, чтобы разобраться во всем, чтобы провести свое собственное расследование, да? – выпалил он.

– Расследование?

– Ну да, чтобы самому найти убийцу сестры, ведь так?

Фома с силой схватил Мещерского за плечо и повернул его к себе. Его лицо снова кривилось:

– Кто ее убийца, весь город узнал сразу, еще тогда, – сказал он. – Мы все знали, кто он такой. Как его зовут.

Над их головами скрипели ржавые цепи карусели. Порыв внезапно налетевшего с большой воды ветра принес с собой короткий собачий вой – то ли рыдание, то ли угрозу.

Глава 7

Жена своего мужа

Юлию Шубину под утро разбудил колокол. Окна их квартиры на восьмом этаже смотрели прямо на Сретенскую церковь. Она встала, подошла к окну, отодвинула штору – туман, серая пленка. Как только взойдет солнце, она исчезнет.

Ее муж, Всеволод Шубин, крепко спал, уткнувшись в подушку. Юлия видела его затылок, загорелую руку, свесившуюся с кровати. На запястье – светлая полоска, след от часов. Он теперь вечно смотрит на часы, вечно куда-то торопится. Он теперь так занят – ее муж, мэр этого города.

Юлия Шубина любила своего мужа страстно и преданно. А вот насчет города особо не обольщалась. Они переехали сюда во время выборной кампании, оставив в областном центре отличный дом, выстроенный Шубиным на берегу Волги, и налаженный бизнес. Переехали в типовую трехкомнатную квартиру в новом муниципальном доме. Шубин сказал, что так надо, что его избиратели это поймут и оценят – скромность, неприязнательность. Не собственный просторный особняк, а обычная «трешка». И Юлия не спорила. Это было полезно для карьеры мужа. А ради него и его карьеры она – верная умная жена – была готова на многое.

Что-то он говорил ей вчера вечером за ужином – она что-то должна сделать сегодня для него, что-то важное... Со сна мысли путались. Юлия обернулась – на тумбочке рядом с их кроватью что-то белело. Фарфоровое блюдо. Зачем оно стоит на тумбочке, его же можно ненароком столкнуть, разбить, возле кровати потом будут осколки, а она в спальне ходит босиком. Это, наверное, Всеволод вчера пил свои таблетки и принес их на блюдо сюда. Надо будет убрать... Так о чем он ее вчера просил? Он был так рассеян вчера, отвечал невпопад – видно, что-то произошло на работе, вечно какие-то неприятности. Руководить городом – это очень сложное дело и очень ответственное. И часто тебе за все хлопоты никакой благодарности, а только сплошные выволочки, доносы, кляузы. В глаза – лесть, за глаза – злость, зависть: «Новая метла», «Из молодых, да ранний», «Из грязи в князи»...

То ли еще будет, когда он, ее муж, станет губернатором. А он им непременно станет. Ему нет еще и сорока, лет через пять-шесть... а может даже, и чуть раньше. Сейчас все так быстро меняется. По крайней мере, она, его жена, сделает все от нее зависящее, чтобы губернаторский пост был достижим и реален. В этом они – одно целое, одна команда. Он ценит ее, слушает ее советы. За семь лет их брака он с ее помощью с нуля создал свой бизнес, создаст и платформу для будущего губернаторства. Здесь создаст, в этом городе, который тоже скоро благодаря их общим усилиям изменится до неузнаваемости.

Что же он просил ее сделать? Колокол все звонит, созывает прихожан. Это в такую-то рань... А он, Шубин, спит – он адски устает, вот буквально и вырубается, едва лишь коснется головой подушки. Впрочем, вчера он заснул не сразу. Лежал, ворочался, пил эти свои таблетки – депрессанты... Он давно их употребляет, не может без них обходиться. Отчего? Такой здоровый физически, крепкий, энергичный – и вечно на таблетках. Говорит – привык, жизнь, Юлечка, заставила. Жизнь...

Это блюдо – надо его убрать.

Общая жизнь у них обоих – всего семь лет. До этого оба были по молодости, по дурости он женат, она замужем. Что осталось от того времени? По крайней мере, у нее ничего. Все в нем сейчас – все в нем, вся жизнь, все надежды на счастье. Карьера губернатора – это счастье? Да, большое счастье, огромные возможности в нашей бедной, такой изменчивой, такой иррациональной стране. А там дальше кто знает... Кремль – он ведь тоже не на Луне, не на Марсе. Главное – выбрать правильную стратегию, верную тактику и не сворачивать с намеченного

пути. А путь из Тихого Городка туда, наверх, может быть долгим. Но она готова. Она ко всему готова. К трудностям, к препятствиям. Лишь бы он – ее муж – не подвел, не сплеховал...

Это блюдо... кажется, вчера он пил свои таблетки не здесь, в спальне, а там, на кухне, когда говорил ей о... Ах да, вспомнила! Сегодня в одиннадцать ей надо заехать в отель за двумя бизнесменами из Москвы, прибывшими по делам городского туризма. Фамилия одного – Мещерский, второго – Черкасс. С этим вторым связана одна довольно мрачная история, случившаяся здесь, в городе, несколько лет назад. Точнее, с его сестрой, зверски убитой. Муж Всеволод ей об этом как-то однажды рассказывал. Страшная история. Они все были тогда еще так молоды. И все оказались этому невольными свидетелями: муж, его друзья детства – Иван Самолетов и здешний прокурор Илья Костоглазов. Там был еще один, Всеволод говорил и о нем. И о его сестре: «Знаешь, Юля, у нее было такое необычное имя – космическое». – «Неужели Андромеда?» – спрашивала она.

Честно говоря, расспросить ей хотелось всегда и весьма подробно об обладательнице другого – вполне рядового обычного имени. О продавщице Наталье Куприяновой. Когда они переехали сюда, в город, из областного центра, она сразу заметила, что... Секретарша Вера Захаровна рассказывала ей, что эта самая Куприянова была дважды на приеме у ее мужа – один раз по записи в день приема населения, а второй раз – уже без записи по его личному распоряжению. И она получила двухкомнатную квартиру в только что построенном муниципальном доме в Заводском районе. Якобы Шубин лично распорядился включить ее в список на переселение по программе ликвидации ветхого жилья.

Секретарша Вера Захаровна рассказывала все это ей, Юлии, с таким многозначительным видом. О нет, к ней, к секретарше, она своего мужа никогда не ревновала. Вера Захаровна – сухарь и зануда, типичнейшая старая дева из бывших идейных совпартработников. К ней ревновать Всеволода было бы просто смешно, да она к тому же и значительно старше его.

А вот эта самая продавщица Куприянова – его ровесница. Она видела ее, однажды специально зашла в этот чертов магазин на площади. Жирная корова, неряха, распустеха, брошенная мужем-алкашом. Мать двоих детей. А вот у нее, у Юлии, детей быть уже не может никогда. Ранний аборт в том прошлом браке – и все, тема закрыта навечно. Выход – суррогатная мамаша. Но разве нынешнему мэру и будущему губернатору избиратели простят суррогат? Да и наверху, в коридорах власти, это не одобряют, и церковь поморщится брезгливо – нет, такие лидеры народу не нужны.

Нет и не будет детей. Зато будет блестящая карьера. Красная ковровая дорожка – туда, наверх, наверх. Как это в старом стишке? Когда сию я на троне... в золоченой короне, а справа и слева стоит моя рать, какая цена мне...

Дорогая цена. О, великой ценой за все будет уплачено. Она – жена и соратник – знает это наперед и готова к этому.

А по поводу Куприяновой-продавщицы муж Всеволод на ее прямой вопрос сказал ей честно и откровенно: «Знаешь, Юля, такое дело. Жил я с ней до армии, гулял. Мы ж в одном классе учились. Ну, и как-то сблизилась, сошлись, в общем. Потом из армии пришел, и как-то все само собой прошло, испарилось, разбежались мы. Расстались по-хорошему, я уехал из города – это ты знаешь. А насчет квартиры – как не помочь по старой дружбе? Она попросила меня, я помог – я же мэр, моя обязанность теперь лекторату помогать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.